

Катя Колыма

моя подруга Мия

Не без вранья

Елена Колина
Не без вранья

«Елена Колина»

2010

Колина Е.

Не без вранья / Е. Колина — «Елена Колина», 2010

ISBN 978-5-17-065392-8

Идеальный брак втроем – возможен? Что это, психологические и сексуальные манипуляции или любовь и дружба? Кто она, Лиля Брик, интриганка или идеальная возлюбленная? Как страсть и расчет, любовь и самолюбие, искренность и интриги переплетаются в знаменитом любовном треугольнике? И почему чужая жизнь становится частью жизни обычной московской девочки? Для нее это попытка понять тайну очарования, надежда, что тебя будут любить так же страстно, или страх, что вообще не будут?.. А тайна очарования – можно ее раскрыть? А вдруг – можно научиться?..

ISBN 978-5-17-065392-8

© Колина Е., 2010
© Елена Колина, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Колина

Не без вранья

Почему Лиля, почему именно Лиля?! Грустная, женственная, капризная, гордая, пустая, непостоянная, влюбленная, умная, какая угодно, у нее роман с самой собой, есть наглость и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками... Восхищаются, ненавидят, пересчитывают ее любовников...

Потому что она «втроем»?.. Ох, какой ужас!..

Конечно, она не без греха. Но что же, остальные без греха? Никто не изменяет, не пользуется сексуальной свободой, все остальные – тихие мечтатели с застенчивой сексуальностью?..

Лиля, наверное, тот редкий удивительный случай, когда смешались два Главных Человеческих Интересов – Чужой Успех и Чужие Тайны.

Чужой Успех... За что он ее так любит?! Зависть, конечно, это зависть! За что он ее так любит, она же трагедия его жизни! Он заморожен ею, думает, что это идеальный союз, что физическая любовь с ней только прелюдия к главному, а главное – она как будто стала им, превратилась в него. А у нее просто нет морали, она полностью подвластна своим желаниям, он знает о каждом ее новом любовнике – она, может быть, садистка?! И этот шокирующий контраст между нашим представлением о нем как о сильном мужчине и ее легкомысленной любовью к шелковым чулкам, между его яростной страстью и ее пренебрежительной нежностью... И эта наша вечная попытка измерить, кто сколько дал, это «она так плохо к нему относилась и так хорошо жила за его счет»...

И все остальные – за что они ее любят?! Она внушает мужчине, что он гениальный, и разрешает ему делать то, что не разрешают дома, например, курить и ездить куда ему вздумается? Ах да, еще шелковое белье и хорошая обувь... и это все?!

Чужие Тайны... Неумышленное, почти детское вранье, намеренная ложь, интриги, запреты, намеки, умолчания, интерпретации, чувства, которые были-не были... Она словно зарыла в саду секретик, и хочется стеклышко потереть, увидеть золотинку и засохший лепесток...

Глава 1

Нехорошая девочка Лиля

Этот способ психологической защиты от стресса называется регрессия. Регрессия – переход на более ранние способы реагирования. Человек начинает делать то, что давно уже не делал, – например, плачет, как в детстве, хотя давно уже отвык плакать, утирая слезы кулаками, или перебирает свои детские дневники и тетрадки и ставит себе отметки за давно написанные сочинения...

Я держала в руках бабушкин старый кожаный ридикюль с металлической застежкой, такой был у всех бабушек, и у моей бабули тоже. Бабуля была женщиной без секретов, без тайн, и вряд ли у нее был скелет в шкафу или в ридикюле. Я не рассчитывала найти там что-то более увлекательное, чем старые облигации займа или вышитый мною платочек «Бабули с днемрожден»... но... Но!

Я нашла в бабушкином ридикюле свой собственный дневник, когда-то я прятала его за батареей. На первом листе толстой зеленой тетради в клеточку аккуратно было написано моей рукой: «Тема урока: Поэзия Маяковского». Про поэзию Маяковского ничего нет и вообще больше нет ни слова. Зато с другой стороны тетрадь исписана до половины – я тогда, на уроке, перевернула тетрадь и торопливо начала писать что-то вроде... дневника. Нет, это был не дневник, а крик души на уроке литературы. Как бы я ни старалась проявить объективность, сквозь все мои старания проступает детское, как в песочнице: «нагленько, Лилечка, а не жирненько ли тебе, Лилечка, слишком много о себе понимаешь, Лилечка». Но мне было всего тринадцать лет, и больше всего на свете я хотела быть такой, как Лиля.

Мой «крик души» обрывается со звонком на перемену. И переходит потом в рассказ о Лиле, надо сказать, довольно завистливый и обиженный.

Мы живем втроем. Я, бабуля и Лиля. Я хорошая девочка, а Лиля плохая. Иногда бабуля любовно называет Лилю «эта дрянь» или просто «эта...» и дальше какое-нибудь слово из тех, что мне нельзя говорить. Она думает, что я не понимаю, – несмотря на плохое слово, она тайком любит Лилей!

Почему плохих любят больше?! Меня бабуля снисходительно любит на втором месте – как будто я идиот, и что же делать, если он уже есть, приходится его, такого неудачного, тоже любить... Когда на бабулю находит приступ нежности ко мне, она жалостливо смотрит на меня и говорит: «Бери пример с Лили, а то так и будешь трусить по обочине жизни». Какое обидное слово – «трусить»! Кто вообще трусит – лошадь, пони? И опять эта Лиля, всегда Лиля! Бабуля воспитывала меня как хорошую девочку, а требует, чтобы я вела себя как плохая. Потому что плохие девочки счастливей?.. По-моему, это называется парадокс или просто нечестно!

Мы с Лилей во всем противоположны.

На Лилю никто никогда не повысил голос. С ней это нельзя. А на меня бабуля кричит. Значит ли это, что на меня все всегда будут кричать, потому что со мной это можно?.. Но я не хуже, не хуже! И я не собираюсь трусить по обочине!

Я невинное дитя (шутка, на самом деле я не дитя, но правда невинная). А Лиля потеряла невинность (если Лиля когда-нибудь была невинна, в чем я лично сомневаюсь, ха-ха) в пятнадцать лет. Что же, бабуля хочет, чтобы я тоже... в пятнадцать лет?! Прямо сейчас, через два года? Это же просто невозможно!!!

Вчера бабуля задала мне вопрос: «Ты нравишься мужчинам?» «Каким мужчинам?» – удивилась я. «Мужчинам из твоего класса», – уточнила бабуля.

Я фыркнула, видела бы она этих «мужчин», а бабуля строго сказала: «Неважно, какие они, важно, какая ты. Ты либо всегда женщина, либо всегда нет. Вот Лиля всегда женщина. Лилия хочет нравиться всем: мужчинам, старикам, детям». – «А мне все равно, нравлюсь ли я тем, кто мне безразличен. Я безразлична к ним, а они ко мне».

Мне, получается, должно быть стыдно – стыдно не иметь романов, поклонников, любовников, стыдно, что вокруг меня не кружится вихрь страстей... Ну, у меня еще все будет, и даже столько же поклонников будет, и даже больше! Лилия – некрасивая, а я красивая!

Лилия некрасивая. Это не завистливая гадость, а правда. У нее тяжелая фигура, коротковатые ноги, слишком крупная голова, и еще она сутулится. Наверняка мама говорила ей – не сутулься, выпрямись, а она не слушалась. Лилия очень независимая, это прибавляет человеку личности, но иногда независимость может быть и во вред.

Но все считают Лилию необыкновенной красавицей. У нее рыжие волосы, огромные карие глаза, большой рот, такой рот называется чувственный, а улыбка такая, что каждый человек сразу же становится – ее. Ну, и какое имеет значение, какая она – самая красивая в мире или уродина?

Я вот красивая. Это не хвастовство, а факт моей жизни. Бабуля говорила (а я подслушала), что я типичная нимфетка, как девочка из книжки «Лолита». Я ее прочитала, там про одного мужчину, который любил маленькую девочку, нимфетку, такую трогательную и невинную с этой ее зарождающейся женственностью. Значит, я тоже выгляжу трогательной и невинной, как нимфетка или зайчик, но одновременно во мне зарождается женственность... Не так уж плохо.

...Ох, ну и что же, что во мне зарождается женственность?! Я пока не особенно нравлюсь мужчинам, вообще не нравлюсь, а от Лилии мужчины сходят с ума.

У Лилии раннее сексуальное развитие... наверное, все дело в этом. Даже в тринадцать лет Лилия была ничуть не похожа на нимфетку, никогда не была трогательной, тоненькой, невинной. Она полноватая, полногрудая, налитая, про нее говорили «созревшая женщина». Противно, когда так говорят, как будто Лилия – груша или слива, но чувства, которые мужчины испытывают к Лилие, абсолютно честно эротические, без примеси отеческих комплексов, как в «Лолите». Они просто-напросто хотят овладеть ею, как будто съесть спелый фрукт, – раз-раз и слопать.

У нас, конечно, многие девочки гордятся тем, что выглядят как взрослые тетки. Не понимают, что большая грудь – это еще вовсе не сексуальность, а просто большая грудь. По сравнению с Лилией они просто глупые коровы. А у Лилии сексуальное обаяние, так бабуля говорит. Есть что-то необыкновенное, от чего мужчины теряют голову.

Но ведь хочется понять, что это такое – сексуальное обаяние. Лилия любит целоваться, в пятнадцать лет целовалась по-настоящему, как страстные любовники в кино. А я еще ни с кем не целовалась и не очень-то хочу. Так, может, это и есть сексуальное обаяние – что она хочет целоваться?

Бабуля ругает Лилию за то, что все ее разговоры об искусстве – одна болтовня, она ведь на самом деле не талантливая – то она хочет танцевать, то лепить, то даже снимать кино, но надо по-настоящему учиться, иначе где же результат? Еще бабуля ругает Лилию за то, что она много врет, сочиняет свою жизнь, как ей выгодно... Но, по-моему, это как раз подтверждает, что Лилия – творческая натура, ведь ложь – очень творческий процесс, сначала нужно придумать, потом сделать, чтобы тебе поверили. Я-то, как дура, всегда говорю правду.

Бабуля говорит: «Лилия – лгунья, развратная, своевольная, злая». Говорит: «Лилия властная, сильная, не хочет выполнять правила, пренебрегает условностями, делает только то, что ей интересно, не обращая внимания на чувства других людей». Она любит Лилию и любит ее ругать – такое сложное чувство.

Ко мне она не испытывает сложных чувств, да и за что?.. Бабуля у меня человек искусства, я пока еще никого не вдохновила даже на самое крошечное произведение искусства, а Лиля, Лилия... Лилия, конечно, с детства была необыкновенная, она сразу же не собиралась трусить по обочине жизни... Но я тоже буду вдохновлять. На стихи или повести.

Но... тогда меня, как и Лилю, не все будут любить, некоторые, очень даже многие станут ко мне плохо относиться. Лилю любят мужчины, а женщины нет. Например, А.А. сказала, что у Лили «лицо несвежее, волосы крашенные и на истасканном лице наглые глаза». Это неправда. Это она от злости. А наша учительница по литературе считает, что Лилия – гадкая. Я ее не то чтобы специально спросила, а так, навела разговор незаметно. Она оглянулась испуганно, как будто я что-то неприличное спросила, и сказала: «Эта твоя Лилия гадкая». Я думала, мне будет приятно, но отчего-то было не приятно, а неприятно – так всегда бывает, когда говорят плохо или хорошо о том, к кому у тебя двойственное отношение. У меня к Лиле – двойственное. Вообще-то я думаю, учительница – дура, нельзя так однозначно судить о людях, как будто приклеивать бирку с ценой, два рубля или пять рублей.

Но зачем Лиле любовь женщин, зачем ей любовь А.А. и нашей учительницы по литературе? Это ей совершенно ни к чему, ведь ее любят такие мужчины! Я бы отдала все на свете за то, чтобы меня хотя бы одну минуточку любили такие мужчины!

Я приняла решение: сейчас пойду на перемену и прямо сейчас начну всем нравиться, буду великолепной!! Не буду подглядывать за Лилей, не буду обезьянничать, ничего подобного – я ее изучу, как исследователь под микроскопом на уроке зоологии изучает пчелу или жука. Изучу и стану такой же великолепной, как она, – непременно! Лилю зовут не Лилия, а именно Лилия...

Лилю зовут не Лилия, а именно Лилия. А некоторые называют ее Лили. Красиво, правда? Возлюбленную Гёте звали Лили. А вдруг это имя предопределило ее судьбу и именно поэтому она тоже стала возлюбленной поэта? Имя может предопределить судьбу? У нас есть одна родственница, тетя Лилия, маленькая, тихонькая, всю жизнь проработала чертежницей и была в любовной связи со своим соседом по кульману... Но, может быть, он писал стихи и она была его тайной музой?

Считается, что у Лили Каган блестящее образование, но это так, для красоты и важности, – никакого особенного образования, а только то, что положено всем детям их круга, – ведь Лилия родилась в культурной, обеспеченной московской еврейской семье. Лилин отец – юрист.

Лилия может спокойно гордиться всем, что у нее есть в жизни. Она может ощущать, что она особенная и все у нее в жизни хорошо, без оговорок, без всяких «да, но...» Для ребенка это очень хорошо, когда он может сказать: «я – такой-то», тогда у него не начинаются комплексы. У Лили нет комплексов, она с самого начала могла сказать: «Я самая любимая, богатая, умная, красивая, я – самая главная». В общем, у Лили хороший старт.

Лилия учится в гимназии, и еще дома учится языкам и музыке. Лилия – нерадивая ученица, гимназию не любит, уроками пренебрегает!.. И никаких выдающихся успехов у нее нет. По-немецки Лилия говорит хорошо, а вот за французский ее всегда ругали. Она училась играть то на рояле, то на скрипке, то на мандолине, то вдруг попросила купить ей барабан. Зачем человеку барабан? Да потому, что на самом деле ей было лень заниматься. Каждому известно, что музыка требует прилежания, часами сидишь за инструментом... а гаммы, а этюды Черни – это вообще ужас!.. Лилия – не самая прилежная девочка на свете, так что с музыкой у нее отношения не сложились.

Зато Лилия писала потрясающие сочинения, и какое-то время родители очень гордились, что у них такая литературно одаренная дочка. Но она была не литературно одаренной, а необыкновенно ловкой девчонкой, – эти хваленые сочинения писала не она! За нее писал

учитель – ха-ха-ха! Наверное, она его загипнотизировала, как удав кролика, и кролик под гипнозом писал сочинения за свою ученицу!

Вот что правда – что Лиля хорошо успевает по математике, задачи она решает сама, не хитрит. Но то, что Лиля умеет извлечь квадратный корень, не говорит ни о каких ее невероятных способностях, ни о чем, кроме того, что она не тупица, логично мыслит и... и все.

Но, подумаешь, учеба, учеба – ерунда. Важно другое. Лиля – девочка с характером. Девочка с плохим характером!.. Лиля всегда делала, что хотела, не задумываясь о чувствах окружающих. К примеру, в десять лет написала родственникам такое письмо: «Извините, что я вам так давно не писала, но если бы вы знали, как это скучно, вы сами не требовали бы так много от меня». Вежливая девочка, правда?

А однажды она сделала еще кое-что похуже – сказала маминой гостье: «С таким лицом, как у вас, лучше было бы посидеть дома». Меня бы за это убили и поставили в угол навсегда, а Лилю даже не ругали. Лиле почему-то родители все позволяли, почему?..

Думаю, умные родители всегда понимают, с кем имеют дело, кого можно воспитывать в углу, а кого нет. Лилю было нельзя, вот они и старались сохранить мир в семье, делали вид, что у них не нахальная девчонка, не «плохая девочка», а просто такой непосредственный ребенок, самый лучший, лучше других. Лилю очень любили, любовались ею, баловали. Маленькая разбойница из сказки правильно говорила: «Детей надо баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники». То есть независимые, смелые, уверенные в себе люди.

Вообще-то у них в семье не одна девочка, а две девочки – Лиля и Эльза. Другие родители на их месте больше любили бы Эльзу, младшую. Лиля – крупная, рыжая, кареглазая, с тяжелым взглядом. Эльза – пухлая голубоглазая блондинка в облаке кудряшек, в точности как немецкая кукла или фарфоровый ангелочек. Прелесть, тем более младшая. Но у них отчего-то Лиля – главный ребенок. Может быть, потому что Лиля всегда была нестеснительная, самоуверенная, она из тех детей, кто встанет на стул и прочтет стихотворение... Таких детей все родители обожают и гордятся ими, и это – несправедливо! Потому что другие, которые так не могут, они не хуже!

Все знают, что старший ребенок обычно бывает независимым, упрямым, а младший ребенок мягче, уступчивее, принимает нужную форму, как диванная подушка. И у них в семье именно так: Лиля была сильная, а Эльза – нежная.

Пять лет – это очень большая разница в детстве, просто огромная. Например, Лиле десять, Эльзе пять, и тогда Лиля почти как мама для маленькой Эльзы, тем более Лиля раннего развития, к десяти годам была уже почти девушка. Но нет, Лиля не собиралась быть Эльзе мамой и вообще не собиралась никого опекать, кроме себя самой. Правильно это или нет? Для самого человека хорошо, правильно.

Знаете, как она обращалась с бедной фарфоровой малышкой Эльзой? Лиля как бы ею полностью владела. Лиля запугивала Эльзу: если Эльза немедленно не выполнит ее приказ, то Лиля превратит ее в кошку, в лампу, во что захочет. «Крэкс!» – грозно произносила Лиля и взмахивала «волшебной палочкой», и Эльза бежала выполнять приказание. Вообще-то у Лили такое лицо, что я бы тоже побежала выполнять ее приказ... Не то чтобы у нее очень строгое лицо, а просто такое... что попробуй не выполни. Не хотела бы я быть Лилиной младшей сестрой, Лиля и так властная, а еще и быть с ней младшей – вообще все пропало, слушайся, и все тут.

Это «крэкс!» у них была не случайная и сразу же забытая шутка, а повторялось много раз, пока мама не заметила, что с одним ее ребенком что-то не так, – маленькая Эльза явно чего-то боится и страдает. И все открылось. Надеюсь, что Лиле сильно попало, но не уверена, – непохоже, что ее вообще когда-нибудь наказывали.

Это, конечно, игра – «крэкс!»¹, детские штучки. Но ведь это вовсе не детские штучки, это жестоко!.. Считается, что дети часто бывают жестокими, просто потому, что они дети и это им вроде как свойственно. Но я сама еще так недавно была «дети», что совершенно точно знаю – ничего подобного. Это заблуждение взрослых, которые все про себя забыли. Просто кто-то бывает жестоким, а кто-то нет, и это уже навсегда.

Эльза боялась, а Лиля наслаждалась своей властью, в Лиле сразу же, с рождения, было заложено чувство собственной избранности, главности, такое уверенное «мне – можно». Это плохо.

Но ведь это только на первый взгляд плохо! Просто люди боятся говорить себе «мне – можно, я не такая, как все». Потому что – а вдруг окажешься такой, как все, вдруг не хватит воли, характера, красоты, чтобы эти свои претензии оправдать? Но ведь собственные претензии – это единственный шанс получить то, о чем мечтаешь. А если нет претензий, так и будешь трусить по обочине жизни.

Как-то раз Лилина мама, Елена Юльевна, повезла Лилю и Эльзу в Европу на каникулы. Она собиралась получить удовольствие от путешествия, чинно осматривать достопримечательности с детьми, пить воды, в общем, все должно было происходить мило и благородно, как только и может быть у такой милой и благородной дамы с детьми. Но оказалось, что она – не с детьми. Оказалось, что рядом с ней не ребенок, а какой-то горшок с медом, приманивающий пчел! Они ехали по Европе, а за ними вился клубок страстей.

Интересно, сказала ли Лилина мама Лилиному папе, когда они вернулись домой: «Должна признаться, меня беспокоит Лиля... Стоило мне заснуть, как Лиля тихонько открыла дверь, выскользнула из купе, прокралась мимо меня и полночи кокетничала с офицерами в коридоре! Что же, мне нужно было ее к себе привязывать?»

Вправе была Елена Юльевна рассчитывать на то, что ее пятнадцатилетняя дочь, девочка из хорошей семьи, не улизнет от нее ночью? Как вообще ведет себя пятнадцатилетняя девочка, хорошая девочка? Да она от мамы не отходит!

В Тифлисе был татарин – он умолял Лилю за деньги стать его любовницей. В Бельгии был студент – сделал ей предложение и грозился умереть, если Лиля его не примет. В Дрездене был владелец санатория, где они жили, он был взрослый, женатый, но тоже хотел на Лиле жениться. Нет, у каждой симпатичной девочки бывает такое лето, когда из-за внимания нескольких соседских мальчишек она кажется себе центром вселенной, – но Лилю все хотели, и это были какие-то сумасшедшие страсти! Один предлагал деньги, другой драгоценности, кто-то не хотел жить без нее, кто-то, наоборот, хотел умереть вместе с ней – просто какое-то безумие, как будто Лиля испускала какие-то специальные флюиды!.. Завидно, если честно... И ведь Лиля не какая-то особенная красавица...

Вот как Эльза описывает Лилю: «... Большой рот с идеальными зубами и блестящая кожа, словно светящаяся изнутри... Изящная грудь, округлые бедра, длинные ноги и очень маленькие кисти и стопы. Ей нечего было скрывать, она могла бы ходить голой, каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Впрочем, ходить совсем голой она любила, она была лишена стеснения... Мы с мамой любили смотреть, как она одевается, надевает нижнее белье, пристегивает шелковые чулки, обувает серебряные туфельки... Я немела от восторга, глядя на нее».

Но это нечестно! Эльза Лилю обожает, это необъективное описание! У Лили непропорционально большая голова! Это даже хуже, чем кривые ноги, это даже не недостаток, а уродство!.. Кривые ноги можно спрятать под джинсы, а куда можно спрятать большую голову?..

¹ Эльза рассказала, как девочки-сестры играют в эту игру, в своей автобиографической повести. Это не мемуары, а художественная проза, но девочки так похожи на Лилю и Эльзу и младшая так страдает, что, очевидно, это правда – такое про себя не придумаешь.

Нет, правда, как можно не заметить слишком большую голову?! Но ведь никто не замечает... Все, не только Эльза, абсолютно все говорят – Лиля красавица, прелесть.

Что же в ней такое? Улыбка? Может быть, у нее улыбка, которая сразу же – раз и втянула человека? А может быть, у нее такая убежденность в том, что она прелесть, что никто уже просто не может думать иначе?

...Хорошо бы развить в себе убежденность, что я прелесть. И уверенность в себе. А если уверенность в себе будут называть наглостью, то какая разница?..

Елена Юльевна с Лилей и Эльзой добрались до Польши и остановились в гостях у бабушки. Бедная Елена Юльевна, ей казалось, что она везет бесценный рискованный груз, который все хотят отобрать, и вот наконец-то – уф-ф – довезла, наконец-то Лиля дома, под присмотром родных. Здесь Елене Юльевне не грозит злая стая Лилиных поклонников. Но Лиле не нужно было даже выходить из дому, чтобы разжечь костер вокруг себя. Лилина мама не знала с Лилей ни минуты покоя!.. Произошло невероятное – в Лилю влюбился ее родной дядя. Этот Лилин дядюшка не просто тихо симпатизировал малолетней племяннице, а совершенно потерял голову! Умолял племянницу выйти за него замуж. Уговаривал, требовал, обещал сам все уладить с родными... Это была не семья извращенцев, а хорошая дружная строгая еврейская семья, браки между родственниками разрешены по закону, и теоретически он мог жениться на родной племяннице, но в их образованной среде это все-таки ужасно неприлично!.. Что же, этот дядюшка с ума сошел?! Совершенно обезумел от страсти? Был скандал, дядюшку ругали, стыдили. А Лилю нет.

Но дело все-таки было не только в дядюшке! Ведь Лиля не вела себя с ним как девочка, как племянница! Она вела себя со своим дядей как женщина, давала понять, что любовные отношения возможны! Вместо того, чтобы слушать бабушкины сказки!

Интересно, сказала ли Лилина мама Лилиному папе, когда они вернулись домой: «Лиля вела себя очень плохо»?.. Или: «Лиля абсолютно неуправляема. К сожалению, она слишком интересуется мужчинами»? Или: «О, ужас, она строила глазки родному дяде!»

Дома, в Москве, Лиля кружится в романах, как волчок. Почти у всех девочек ее возраста вообще нет ни одного поклонника, у некоторых всего один, а у Лили – много... Но ведь это не потому, что она нравится многим. Просто все девочки считают, если есть один поклонник, то больше уже никто не нужен. Поэтому у них больше никто и не появляется. А Лиля считает, что ей положено двое – по меньшей мере. Хочет держать при себе всех, ни в коем случае не упустить никого. Сидит, к примеру, в театре или на концерте между своими мальчиками, и каждый из них держит ее за руку – у нее же две руки, так почему бы нет? Может и пошалить, в темноте свести мальчишеские руки на своих коленях, чтобы каждый думал, что держит за руку Лилю, а на самом деле глупые мальчишки, дрожа от счастья, держат за руки друг друга. Лиля с самого начала, с первых своих романов не считала, что любовь – это когда двое, она и он. Для нее любовь как будто беготня между комнатами, где заперты поклонники, и каждый думает, что он единственный, потому что никогда не встречается с другими.

Ну, и потеря невинности. К невинности можно относиться по-разному. Некоторые девочки хотят, чтобы это было только с тем, кто этого достоин, с кем неземная любовь... считают, что невинность – самое дорогое, что у них есть. Это звучит, как будто эти девочки расчетливые и глупые: значит, у них больше ничего нет, если эта никчемная невинность так сильно им дорога! А другие девочки считают, что потеря невинности – просто неприятный технический момент, который нужно пережить, чтобы начать делать, что хочешь. Это звучит, как будто они распушенные. Поэтому лучше всего, как у Лили. Она не думала, не рассчитывала! Просто – раз и все.

Лиля занималась музыкой с красивым молодым учителем, и у них даже не было никакого романа, они только занимались музыкой, и в комнате вместе с ними всегда была сестра учителя.

Когда сестра учителя вышла на кухню мыть посуду, Лиля и учитель музыки, как пишут в старых книгах, «бросились друг к другу в порыве безумной страсти, и все произошло». Может быть, у них все-таки был долгий роман с внезапными прикосновениями, когда пальцы встречаются на клавишах, и вдруг – взрыв, молния, буря! А может быть, у них ничего не было, а просто вдруг – взрыв, молния, буря!.. Кроме рояля, в комнате стоял диван... Сколько времени ленивая сестра учителя копила грязную посуду, что Лиля успела потерять девственность? Говорят, что это... ну... происходит не так уж мгновенно.

У сестры учителя, наверное, было много грязной посуды. Когда сестра учителя вымыла посуду и вошла в комнату, Лиля уже снова сидела у рояля с невинным видом (получилась игра слов: невинный вид остался, а невинности уже не было).

Лиля боялась, что эта сестра-посудомойка войдет в тот момент, когда?.. Напряженно прислушивалась к ручейку текущей на кухне воды? Или ей было все равно? Неужели она совсем не стеснялась?.. Когда это бывает в порыве страсти, человек теряет голову? У нее была очень сильная страсть? Разве в первый раз так бывает, чтобы страсть? Говорят, что не бывает...

Про это говорят много всего, и часто неправду – например, говорят, что с первого раза нельзя забеременеть. А Лиля сразу же оказалась беременной.

У нее все получилось как в брошюрках по половой жизни, в этих жутких страшилках для девочек: потеря девственности, беременность, аборт и тут же, как наказание за плохое поведение, – никогда не будет детей... «Никогда не будет детей, никогда, никогда»... очень страшно. Не понимаешь, что такое дети, просто знаешь, что они должны быть, страшно, что будешь неполноценная, и больше всего страшно от слова «никогда».

Лилины родители захотели, чтобы Лиля сделала аборт. Кажется, сама Лиля хотела родить ребенка, но думаю, это она так, не всерьез. Думаю, это была такая хитрость, чтобы родители не ругали ее за плохое поведение, а все свои силы бросили на то, чтобы отговорить от ребенка. Лиля несколько не похожа на человека, который вместо романов и учебы в Европе хочет младенца. А вот на человека, который хочет еще больше позлить родителей, она похожа.

Бедные Лилины родители! Они думали, Лиля такая блестящая девочка... у блестящей Лили будет блестящий брак, дети, счастье... Они, наверное, совсем не так представляли себе Лилину жизнь, чтобы их девочке аборт в пятнадцать лет. Они, наверное, плакали и спрашивали себя, чем они прогневали Бога. Чтобы не плакать очень сильно, Лилины родители решили, что Лиля не безнравственная, а просто у нее такой темперамент. Они и потом все, что их в Лиле поражало и огорчало, называли «Лилин темперамент».

В общем, им осталось только смириться и помочь Лиле сделать аборт.

Когда Лиле собирались делать аборт, ей предложили заодно восстановить девственность, чтобы Лиля смогла скрыть свой позор от будущего мужа. Лилина мама умоляла ее согласиться – у родителей так бывает, им кажется, что сейчас они что-нибудь быстренько предпримут и можно будет начать жизнь сначала. Но Лиля не захотела, чтобы ее зашивали, как распоровшуюся по шву тряпичную куклу. И не захотела обманывать будущего мужа. Она так и сказала: «Не стану же я обманывать того, кого люблю». Тут, я думаю, она не лукавила, ей было бы унижительно так врать.

Ей все-таки сделали эту операцию, но Лиля так упрямо хотела остаться самой собой, а не защитой девственницей, что, как только ей сняли швы, она снова лишила себя девственности. Сама, пальцем! Это вроде бы неприличные гинекологические подробности, но на самом деле нет, это не гинекологические подробности, а ее независимый характер – Лиля очень сильно злилась на то, что мама и врач приняли решение за нее.

Но кое-кто все же принял решение за нее – природа. У нее никогда не будет детей. Сначала Лиля, наверное, радовалась, что ей не нужно больше думать об этом, бояться, делать аборт. Подумала: «Вот и хорошо, что так случилось» и еще: «А мне и не надо». Лиля могла бы задуматься: а вдруг потом, когда она вырастет, она захочет иметь ребенка?.. Но она не соби-

ралась стонать: «ах, как ужасно...» или «вот если бы...», потому что она настроена на счастье во что бы то ни стало.

Лиля – плохая девочка. Хорошие девочки не делают аборт в пятнадцать лет, не теряют девственность на уроке, не кокетничают со взрослыми мужчинами. Хорошие девочки тихо сидят, опустив глазки, и всего боятся. Они тоже всего очень хотят – и любви, и страсти, и чтобы на коленях умоляли о поцелуе, и на руках отнесли в ванну с лепестками роз. Но они боятся мамы, беременности, боятся, что их осудят и выгонят из школы. Вот Лиля, она смелая, и ей все интересно: и люди, и любовь. Вокруг нее такое мужское безумие, такой сумасшедший успех, потому что она сама ищет успех, не сидит на месте. Лиля со своими жаркими глазами и затягивающей улыбкой страстно хочет каждую минуту нравиться всем: мужчинам, женщинам, детям. И знает самые важные секреты.

Важные секреты такие:

Как быть главной. Нужно сказать человеку: если ты не послушаешься меня, не будешь выполнять мои приказания, я тебя – крэкс! – и превращу в жабу! Тогда этот человек, предположительно будущая жаба, будет от тебя зависеть и любить тебя. Самое главное – не обращать внимания на чувства другого человека, и он за это будет очень сильно тебя любить, а что ему еще остается?

Как быть счастливой. Если человек не собирается страдать, он и не будет. Если к человеку приходит какой-нибудь страшный ужас, ему нужно как-нибудь назвать свой ужас, чтобы не было страшно, и не думать все время, что это страшный ужас. Например, можно назвать свой ужас «у тебя никогда не будет детей» – «вот и хорошо, что так случилось» или «а мне и не надо». Это лучше, чем плакать и расстраиваться и чтобы жалели. Из того, что назначено судьбой, можно сделать хорошее, а можно плохое, это уж как человек сам захочет.

За это сочинение я поставила себе пятерку с минусом. Пятерку за то, что я уже тогда догадалась, что никакой тайны очарования нет. Нельзя попросить в аптеке: «Мне, пожалуйста, курс очарования. Нет-нет, не в виде уколов, уколов я боюсь, мне в таблетках». Тайны очарования нет, а есть очарование Лилиной необыкновенно сильной личности. А минус за плохо скрытую зависть.

Нет, все-таки поставлю себе пятерку без минуса: Лиле все завидуют, не я одна... А.А. сказала, что Лиля крашенная, истасканная и наглая, – это зависть! После этого у Лили было еще три мужа и сто романов!

Кстати, А.А., которая сказала, что Лиля истасканная, – это Анна Андреевна. Ахматова. Не думайте, что Ахматова это сказала мне. Что я сумасшедшая и подростком слышала голоса или на уроках путешествовала во времени и вела беседы со знаменитыми людьми. Просто я с ними выросла.

...Лиля родилась в 1891 году. Евреям тогда разрешалось жить только в черте оседлости, то есть в маленьких местечках. А жить в больших городах можно было только избранным – купцам первой гильдии или людям с университетскими дипломами. Лилин отец был юрист, присяжный поверенный, поэтому его семья и жила в Москве. Отец Лили как раз и был адвокатом по «еврейским делам», занимался получением разрешений евреям жить в столице. Иногда случалось, что еврей-юристы принимали православие для того, чтобы их карьера могла развиваться, но перемена религии ради карьеры была таким... сомнительным делом. Это была как будто рваная рана. Бабушки и дедушки – иудейского вероисповедания, родители – христиане, так что дети в таких семьях не понимали, кто же они на самом деле. Но Лилин отец и карьеру сделал, и от веры своих предков не отказался, так что у Лили не было никаких ран, у нее все было просто замечательно. Хорошо, что мы с Лилей не знакомы! Я вела бы себя с ней глупо – улыбалась безостановочно и кивала неловко, как будто я из дерева.

...Я с ними выросла: с Лилей Брик, Маяковским, Ахматовой, Осипом Бриком и другими... Бабуля, которая «любит Лилю больше, чем меня», была известная маяковедка, ведала Маяковским. Она могла сказать за завтраком, не поднимая глаз от своих бумаг: «Представляешь, Ахматова говорит...» или «Лиля утверждает, что...». Вот мне и казалось, что Ахматова сидит с нами за завтраком и ест яйцо, что все они рядом, живые. И на памятник Маяковскому я поглядывала с чувством своей к нему причастности, как будто он мне немного родственник.

Как интеллигентный человек бабуля не лезла в чужую постель, ее не волновало, «как там у них все было», в этом знаменитом любовном треугольнике «Маяковский, Лиля Брик и Осип Брик», кто с кем спал и как, по очереди или у них была любовь втроем. Ее волновало, кого из своих мужчин Лиля любила, а кем просто пользовалась. Бабуля винила Лилю в том, что один из ее мужчин слишком сильно ее любил. Бабуля говорила о Маяковском с полным правом и подробным любовным знанием, как домашние хозяйки говорят о своем хозяйстве, и ей было обидно, что Лилины желания казались ему непреложным законом, что он не смел ее послушаться, говорил: если Лиля прикажет ночью босиком идти в Большой театр, значит, надо идти, если Лиля скажет, что шкаф стоит на потолке, значит, шкаф стоит на потолке. Бабуля ведала Маяковским по профессии, а Лиля – по небесному предписанию. И каким бы смешным это ни показалось со стороны, бабуля ревновала «своего» Маяковского к Лиле. О Лиле она говорила беспрестанно – ревниво, обиженно и восхищенно, и получалось, что мы как будто жили втроем.

Я была влюблена в Маяковского, влюблена в памятник, в фотографии, стихи, влюблена в любовь и ненавидела Лилю, но все, что ненавидишь, притягивает, и уже сам не понимаешь, ненавидишь или восхищаешься, – это было уже не важно. Важно, что я думала о ней – она была мой тайный враг и тайная подруга, более реальная в моей жизни, чем подруга за партой. Я ей завидовала и была в нее влюблена, и, когда бабуля слишком сильно ее ругала, я говорила про себя: «Ну и что?!». «Ну и что?!» – самый сильный аргумент, если любишь. Казалось бы, что мне за дело до людей, которых давно нет на свете? Но в тринадцать лет до всего дело больше, чем до себя. Я была влюблена в Маяковского, в Лилю – что тут странного? Маяковский уж точно лучше мальчиков из класса, Лиля интереснее моих подружек.

Сегодня мне приснился сон. Бабуля кричала: «Она лучше тебя, лучше, лучше! И лучшего брака, чем у нее, не бывало, лучшего мужа, чем у нее, не бывало! Хороший брак получается, только когда люди одного круга. У мужа и жены должны быть одинаковые представления о культуре. Люди одного круга читают одни и те же книги, смеются одним и тем же шуткам, не хлюпают чаем...» И приснится же такая глупость.

Регрессия – способ психологической защиты от стресса. Я не думала, что бабуля когда-нибудь умрет. Но бабули больше нет, а я вернулась к своему детскому дневнику. Вернулась к своей детской любви и зависти к Лиле, как будто домой. Лучшего брака, чем у нее, не бывало, лучшего мужа, чем у нее, не бывало, лучшей любви не бывало, лучшего любовного треугольника... Черт, кажется, я опять сбилась на детский завистливый тон.

Интересно, каким я была человеком в тринадцать лет, и какой она была на самом деле, моя тайная подруга Лиля? Если взглянуть на нее – и на себя – взрослым взглядом?..

Глава 2

Идеальное замужество

Лиля Каган и Осип Брик были людьми одного круга – оба из московских еврейских обеспеченных семей. Отец Лили был адвокат, а отец Оси – купец первой гильдии, занимался коммерцией, продажей кораллов. Лиля была светская столичная культурная барышня. Осип был светский столичный молодой человек. Им обоим не нужно было изо всех сил завоевывать столицу, как провинциальным девушкам и юношам, они оба были уверены в себе, в своей элитарности, в том, что они от рождения уже все завоевали.

На фотографии юный Ося – одни глаза. И еще брови и усы, и немного оттопыренные уши. Кажется, что он мягкий, умный, романтичный, избалованный, интеллигентный, любит музыку и чтение, – в точности то же самое можно сказать про всех еврейских мальчиков, с которыми я была знакома в школе и в институте. На фотографии Ося в костюме, белой рубашке и галстуке, но легко представить его лежащим у камина в халате, с книгой и сигарой. Он выглядит таким холемым, изнеженным, пушистым, похожим на довольного жизнью кота. Этому коту даже не нужно мечтать о сметане, она у него всегда есть, одна миска на кухне, другая в комнате, – вдруг ему захочется сметаны в комнате и лень будет пойти на кухню. Осип Брик такой же барин и сибарит, как этот кот.

Осип учился в Московском университете на юридическом факультете. Очевидно, он был очень умный, на юридическом нелегко учиться, особенно трудно сдать римское право. Перед защитой диплома Осип решил заняться коммерцией, как многие юноши, которым надоело жить на родительские деньги, и они хотят сами заработать. А главное, чего все хотят, – это самим придумать что-нибудь интересное, чего еще не было.

Коммерческая идея Осипа Брика была связана с литературой. Брик сочинил авантюрный роман. Тогда были очень популярны романы с продолжением – это было что-то вроде комиксов, и читали их люди малокультурные. Одна такая книжечка стоила пять копеек, и раскупались эти сочинения мгновенно, потому что во все времена многие люди хотели читать про погони и драки. Сейчас это называется коммерческой литературой. Критики обвиняли сочинения с погонями и драками в том, что из-за них погибнет культура, так же, как сейчас обвиняют авторов маленьких ярких книжечек карманного формата, которые читают в метро, а ведь они всего лишь приносят людям радость. Авантюрные романы того времени не погубили культуру, значит, и сейчас с культурой как-нибудь обойдется.

Сам Брик, конечно, не держал под подушкой и не почитывал украдкой эти комиксы, но в том-то и дело, что он был очень начитанный и культурный человек. И этот роман был для него не литературное творчество, а чисто коммерческое предприятие, – он хотел и удовольствие получить, и денег заработать.

Первая книжка романа с продолжением была успешно распродана – это просто удивительно!!! Осип Брик был юноша способный! Вторая и третья книжки были уже не так успешны. А продолжение Брик не написал по одной очень важной причине – ему стало лень.

Из этого проекта понятно, какой был Осип Брик. Что он имел склонность скорее к деятельности, к суете, чем к долговому целенаправленному труду в одиночестве. Что Осип Брик был по-хорошему расчетливый – от любого своего действия хотел отдачи. Это вообще-то здоровая лень – нежелание посвятить себя литературе, чтобы он ей все отдавал, а она ему ничего.

Осип бросил свой роман, писал диплом на тему «Одиночное заключение». Собирался еще рассмотреть вопросы социального статуса проституток – это была очень модная тема. Он собирал материал для научной работы: знакомился на бульварах с проститутками, разговаривал и даже иногда помогал им улаживать неприятности с полицией.

Может ли быть, что Осип жалел проституток, хотел купить им швейную машинку, чтобы они переменили свою судьбу, или еще что-нибудь такое высоконравственное? Вряд ли, он совсем не кажется сердобольным или увлеченным идеей улучшить человечество. Все эти проститутки были интересны ему как юридический случай – он собирал материал, и все. Но при этом проститутки Осипа любили, называли его «блядским папашей». Осип был милый, обаятельный и чрезвычайно таинственный человек – не понятно, какие у него мотивы, какой он сам и как относится к жизни, как относится к людям, не понятно, он – хороший или плохой?!

Один близкий друг Осипа писал о нем, когда они еще оба были юношами: «Не вполне улавливаю его нравственную физиономию». Эта черта Брика – самая главная. Умными словами это называется «моральный релятивизм», а понятными словами означает, что у Брика не было моральных принципов. Но совсем не в том смысле, что он был плохой, безнравственный человек! А в том смысле, что он был человек без очень многого, что есть у людей, – без принципов, без предубеждений. Но каждый человек как будто сидит в клетке из своих принципов, понятий, стереотипов, предубеждений. Он считает – это плохо, это не очень плохо, а вот это хорошо. Чем человек глупее и ограниченной, тем больше у него таких незыблемых понятий, тем лучше он знает, как надо, тем тверже судит, что хорошо и что плохо.

А Брик спрашивает себя – что я об этом знаю? Разве мои знания правильны и дают мне право судить, выносить моральные оценки? У Осипа не было моральных принципов – не в плохом смысле, а просто он не сидел в клетке стереотипов. Поэтому про него не понятно: он жалел проституток или относился к ним как к насекомым, он был хороший или плохой, добрый или жестокий, друг Маяковского или злой демон? Терпел Лилины измены или сам ее поощрял? Страдал от этого их знаменитого любовного треугольника или сам его придумал и наслаждался? А может, он и Лилию придумал, такую, какой мы ее знаем?..

Окончив университет, Осип не стал практиковать как юрист, а начал работать в фирме отца, ездил по России, торговал кораллами. Тогда они с Лилей и поженились.

Считают, что история любви должна быть долгой и драматичной, тогда мужчина будет дорожить своей любовью. Интересно, а женщина? Она, получается, и так будет дорожить?.. В общем, непременно должно быть как в пьесе: завязка, кульминация, развязка. Завязка – знакомство, влюбленность, надежда. Кульминация – расставание навсегда, отчаяние. Развязка – брак. Брак будет счастливым, потому что была история отношений.

У Лили с Осипом была история отношений – семь лет.

Лиля и Ося познакомились, когда Лиле было тринадцать, а Осе семнадцать. У них начался роман. Но роман, скорей всего, был односторонний.

Лиля: «Я хотела быть с ним ежеминутно», делала «все то, что семнадцатилетнему мальчику должно было казаться пошлым и сентиментальным: когда Ося садился на окно, я немедленно оказывалась в кресле у его ног, на диване я садилась рядом и брала его за руку. Он вскакивал, шагал по комнате и только один раз за все время, за 1/2 года, должно быть, Ося поцеловал меня как-то смешно, в шею, шиворот-навыворот».

Лиля – не робкая девочка, вздыхающая издали по взрослому юноше, она садится рядом, берет за руку, в общем, действует. Лиля влюблена больше, чем Ося, влюблена, как глупый маленький котенок, а Ося холоден к Лиле – то ли очень робок, то ли не слишком увлечен.

Лилию увезли на лето из Москвы – это такой кажется трагедией, когда увозят, разлучают, но это было трагедией только для Лили. Она писала Осипу нежные письма, на которые он не отвечал, – это больно и непонятно, когда пишешь «люблю», ждешь «люблю» в ответ, а письма нет и нет – и наконец ответил вежливо-равнодушным письмом. Лиля отреагировала так бурно, что от переживаний у нее начался нервный тик. И потом у Лили всю жизнь был нервный тик, который усиливался, когда она волновалась, – как будто отметина первой любви.

В своих воспоминаниях Лиля пишет, что после Осипового письма она решила отравиться, и очередной воздыхатель достал ей цианистый калий. Но ее мама обыскала стол, нашла флакон

с цианистым калием и заменила на слабительное, и все закончилось расстройством желудка. Неужели это правда, неужели Лиля не врунишка, неужели цианистый калий можно было «достать», купить, как соль и спички?.. Вот какая красивая Лилина история про роман с отравлением.

Потом была случайная встреча в Москве. И Лиля первая сказала Осе: «Я вас люблю», – какая она решительная девочка. Лиля сказала Осе: «Я вас люблю», а он промолчал.

Осип Брик Лилю, такую успешную, отверг.

Получается, что первая Лилина любовь была несчастной, а уже потом был сумасшедший вихрь страстей вокруг. Как будто она хотела компенсировать всеми этими страстями свою первую безответную любовь. Лилю все так любили и хотели, что один человек, который ее не захотел, конечно же должен был остаться в ее сердце. Если кому-нибудь скажешь: «Я вас люблю», а он не упал, как сбитый щелчком оловянный солдатик, промолчал, то уж точно влюбишься в него навсегда!

Такой завязке можно позавидовать, просто загляденье, а не завязка!..

После этого семь лет Лиля с Осипом встречались случайно. Когда Лиля лишилась девственности и забеременела, она призналась в этом Осипу как самому близкому другу. Осип предложил ей выйти за него замуж, но Лиля решила, что он делает это, чтобы ее спасти. Принимать сочувствие, а не любовь было ей унижительно, и она отказалась. Эти сведения не от самой Лили, а от каких-то ее друзей, но правда это или нет, это очень похоже на них обоих: Осип «хороший» и рациональный, а Лиля гордая и эмоциональная. Может быть, этого и не было, но что точно было – все эти годы, с ее тринадцати лет до двадцати, они иногда виделись. Сколько же за эти годы было у Лили увлечений, интриг, страстей, но как ни горячи были ее романы, при каждой случайной встрече Лиля понимала, что любит Осипа.

Лиля: «Мне становилось ясно даже после самой короткой встречи, что я никого не люблю, кроме Оси». Лиля в своих мемуарах много присочинила, многое приукрасила, но про свою юную любовь к Брику она написала очень искренне.

Летом 1911 года Лиля уехала в Германию «учиться скульптуре», у нее были там три романа, то одновременных, то последовательных, – скучно перечислять. Единственное, что важно, – Лиле было всего девятнадцать лет, но она умела сделать так, чтобы каждый из троих ее возлюбленных считал себя единственным.

Зимой Лиля вернулась в Москву, они с Осипом встретились, опять случайно, в Художественном театре, на завтра встретились на балу, и Лиля опять сказала Осипу, что любит его. На следующий день они гуляли по Москве, зашли в ресторан и «Ося попросил меня выйти за него замуж. Он сказал: „Лиличка, не отказывай мне. Ведь ты моя весна“... Я сказала: „Давай попробуем“». Лиля не знала, сомневалась, Осип ее уговаривал, и она согласилась. Это из Лилиных мемуаров. А в других, записанных с ее слов, воспоминаниях все наоборот: это Осип сказал: «Давай попробуем».

Но какая разница, кто из них сказал «попробуем»? У обоих это был совершенно осознанный выбор. Лиля любит Осю, Ося любит Лилю. Пусть немного преувеличение, пусть желание «сделать красиво», пусть все Лилины романы, но у Лили и Оси история есть. Если есть история, это означает любовь навсегда?..

Лиля говорит, что они с Осипом поняли, что созданы друг для друга, когда разговаривали о сверхъестественном. Было так: Лиля что-то говорила Осипу о «сверхъестественном», и вдруг Осип вынул тетрадку, в которой он записывал свои мысли, и прочитал ей почти слово в слово то, что она говорила. Как это удивительно – их мысли совпали!..

Можно, конечно, вслед за Лилей решить, что это мистика, но все-таки нет, не мистика. Мысли равно культурных людей по таким общим вопросам, как «сверхъестественное», почти всегда совпадают, – потому что какие уж тут особенные мысли?..

Зинаида Гиппиус, когда ее хотели познакомить с кем-то, подозрительно спрашивала: «А он любит говорить об интересном?» Лиля и Ося оба любили говорить об интересном. И не то чтобы ей были интересны цены на рынке, а ему расположение планет. Им было интересно одно и то же, так что они действительно были созданы друг для друга.

Лиля младше Осипа, но выглядит более опытной – взрослая страстная женщина, и на их фотографии после свадьбы вид у Лили немного как у хитрой лисы, которая схватила козленочка и сейчас понесет в лес. Видно, что ее страстность намного превышает его, видно, кто в их паре рассудочный, немного отстраненный, а кто страстный, видно, кто больше любит, – Лиля.

Но и Осип ее любит – вот же вполне страстные письма, какие и положено писать жениху.

«Москва, 1 декабря 1911 г.

Дорогие мои родители!

Я больше не в силах скрывать от вас того, чем полна моя душа, не в силах не сообщить вам моего безграничного счастья, хотя я и знаю, что это известие вас взволнует...

Я стал женихом. Моя невеста, как вы уже догадываетесь, Лили Каган.

Я ее люблю безумно, всегда любил. А она меня любит так, как, кажется, еще ни одна женщина на свете не любила.

...Когда получите это письмо, ради Бога, телеграфируйте мне немедленно ваше благословение...»

Страсть взяла верх над рассудком – Осип пишет как наивный влюбленный мальчик, который ожидает от родителей радости и ликования. Ни телеграммы, ни иного ответа не было. Мать Осипа была в отчаянии, – она хотела своему сыну настоящую невесту, чистую, нежную, а через девять месяцев круглую, как шарик, а вовсе не Лилию, у которой была не самая лучшая репутация. Лиля знала, что мать Оси ее страстно не хотела: «Ося очень дружил с ней, и ей поэтому была известна вся моя биография». Наверняка мать Осипа знала не все, но даже этого «не все» было так ужасно много, что какое тут благословение!

«Москва, 22 декабря 1911 г.

Дорогие родители!

Как и следовало ожидать, известие о моей помолвке с Лилей вас очень удивило и взволновало.

...Тебе, мамуся, прекрасно известно, что у нас с Лилей всегда было сильное влечение друг к другу... Я полюбил Лилию вполне глубоко и серьезно уже не как мальчишка, а как взрослый человек, и сделал ей предложение в здравом уме и твердой памяти. О взаимности нашей любви говорить не приходится, это настолько ясно, что никаких сомнений быть не может.

...Лиля, моя невеста, молодая, красивая, образованная, из хорошей семьи, еврейка, меня страшно любит, что же еще?»

Осип пытается рассуждать, уговаривает родителей – они с Лилей одного круга, что же еще?

Есть теория, по которой всегда выбирает женщина, а мужчина только отзывается на ее желание. У Лили и Осипа это не так. Пусть Лиля влюбилась в Осипа в детстве и ждала, когда он ее полюбит, но все-таки это был его выбор и его решение.

Осип Брик, по его собственному выражению, сделал предложение в здравом уме и твердой памяти. Между прочим, его обыденная речь не пестрела юридическими терминами, почему же, говоря о женитьбе, он выбрал такое неромантическое выражение, как будто совершал юридическую сделку? Как будто подписывал завещание или заключал контракт?

Но ведь он на самом деле женился по уму, а не по любви. Нет, конечно, он любил Лилию! Расчет не исключает любви («я ее люблю безумно»), но он влюбился безумноразумно. Он пере-

числяет Лилины достоинства восторженно, как полагается жениху, но у многих это «просто люблю, и все», а у него это звучит как четкое обоснование любви, похожее на бизнес-план: он точно знает, чем Лиля хороша. Лилия – правильный партнер в жизни, красивая, необычная, широкая, в определенном смысле преданная – вот и обоснование коммерческого предприятия, то есть любви и брака.

«...Что же еще? Ее прошлое? Но что было в прошлом? Детские увлечения, игра пылкого темперамента. Но у какой современной барышни этого не было?

Лилия – самая замечательная девушка, которую я только встречал, и это говорю не только я, а все, кто ее знает. Не говоря уже о внешней красоте и интересности, такого богатства души и глубины и силы чувства я не видывал ни у кого.

...Если даже, как я предполагаю, у вас есть какое-то предубеждение против Лили, то оно немедленно рассеется, как только вы узнаете ее поближе, увидите, как она меня любит, а главное, как я ее люблю и как мы оба с ней счастливы».

Осип получил благословение на брак. Бедная его мама! Она думала: «Лилия Каган со всеми спит». Или тогда женщины выражались по-другому? «У Лили были любовники. Лилия может быть бесплодной... Боже, почему именно он, мой сын?!» В общем, как-то так она думала. И у нее совсем не было возможности себя успокоить, решить – ну, хорошо, брак с этой ужасной Лилей не такая уж трагедия, проживут пару лет и разведутся, она считала, что брак – навсегда, ведь это же брак, заключенный по религиозным законам...

Лилия: «Купила я их <родителей Брика> тем, что просила свадебный подарок в виде бриллиантового кольца заменить Стенвеем... Из этого они вывели заключение, что я бескорыстна и культурна».

Кстати, рояль «Стейнвей» – тоже очень дорогой подарок. Но мама Осипа не поэтому согласилась на брак, не стала ссориться. Просто, прежде чем ссориться, всегда нужно прикинуть – зачем? Что может из этого выйти? Взрослый влюбленный сын ни за что не послушается – умная мама знает границы своего влияния на взрослого ребенка. А если он не послушается и женится без благословения, то ссора будет настоящая, и с сыном, и с невесткой, так зачем портить жизнь всем-всем-всем и, главное, себе? Но все же бедная мама... Интересно, Осип решился сказать своей маме, что у Лили не будет детей?

Потом Лилия говорила, что от детей одна сырость. Она имела в виду, что это мужчины придумали поэтизировать деторождение, это все Рафаэль и Леонардо да Винчи со своими мадоннами... А для женщины это одна сплошная физиология: молоко, мокрые пеленки, слезы. В общем, если ты человек с культурными запросами, то лучше лишний раз почитать стихи, чем принимать участие во всем этом.

Лилия говорила, что интеллигентная женщина не должна иметь детей. Звучит глупо, ведь и интеллигентным женщинам, и совсем простым одинаково назначено природой рожать, водить в школу. Но на самом деле совсем не глупо! Женщина, имеющая ребенка, уже не принадлежит себе, ее ребенок становится ее хозяином. А умная, интеллигентная женщина принадлежит себе. Думаю, Лилия это имела в виду.

Но я не думаю, что она была искренна. Как Лилия, такая уверенная в себе, могла бояться, что физиология может ее принизить? И она слишком сильная, чтобы бояться, что ребенок заберет ее независимость.

Наверное, все же Лилия с Осипом побоялись сказать его маме, что у Лили не будет детей. Бедная его мама...

А вот Лилины родители точно облегченно вздохнули, решили – слава богу!.. Осип Брик молодой, красивый, образованный, из хорошей семьи, Лилю страшно любит, что же еще?.. Они даже не мечтали, что все так хорошо кончится. Что их непутевая дочка, от которой можно ожидать чего угодно, любого шокирующего поступка, не останется за границей натурщицей нищего художника, не уедет с бродячим цирком, не станет революционером, а окажется умницей-разумницей и, не нарушая семейных обычаев, благополучно выберет жениха из своей среды.

Почему Лиля вышла замуж за Осипа?..

Да потому, что Лиля – умница! Ни сейчас, ни позже, никогда в своей жизни она не делала выбор только по любви. Ахматова зло сказала, что «Лиля всегда любила самого главного», – зло, но точно.

В общем, Лилин выбор Осипа Брика в качестве мужа – по-настоящему, с раввином – был вполне рассудочный выбор, это был в определенном смысле выбор «главного». На тот момент Брик был вполне «главным», и брак с ним был вполне престижным браком.

Сколько у нее было возможностей за все ее заграничные поездки выйти замуж необдуманно – раз и выскочить, и оказаться женой нищего художника или еще какой-нибудь маргинальной личности. Но когда доходило до решения судьбы, Лиля не совершила ни одного безумного поступка. Она всегда выбирала правильно: побаловалась скульптурой, но не связала свою жизнь с тяжелым трудом скульптора, развлекалась романами, но правильно выбрала мужа. Лилин выбор был не просто выбором мужчины, мужа, Лиля выбрала буржуазную жизнь, обеспеченную, в своем кругу, – удачно вышла замуж.

Свадебный обряд должен был проходить в синагоге, но Лиля в синагогу идти не захотела, и раввина пригласили к Лиле домой. Раввин совершил обряд наскоро, без всяких речей – так хотела Лиля. Она сказала, что, если раввин начнет долго и нудно читать свои речи, она прервет обряд, уйдет из-под хупы.

Раввин обиделся, но согласился прийти домой и сократить обряд, – «папа предупредил его, что дочка у него с придурью». Елена Юльевна в последний момент подкралась и прикрыла сильно декольтированную Лилю шалью, Осип прочитал положенную молитву, раввин иронически поинтересовался, не задержал ли он молодых своим обрядом, и все, Лиля с Осей – муж и жена. Во всем этом – обиженный раввин и неподходящее к случаю декольте – уже можно разглядеть, что будет дальше: Осип равнодушен к обряду, а Лиле он позволяет баловаться, Лиле можно быть независимой, забавной и необычной, но все-таки решение принимает Осип.

После свадебного обряда была первая брачная ночь, и тут Лиля с Осипом уже не вдвоем, а втроем...

Подсматривать в окно чужой спальни неприлично, но Лиля сама открыла ее всему свету. Пожалуй, ничья постель не открыта для истории так откровенно, как постель Лили, – Лиля как будто была в постели не со своими мужчинами, а со всей страной, и Лилина любовная жизнь давно уже стала фактом литературы. При полном Лилином поощрении Маяковский сделал публичной не только их с Лилей любовную жизнь, но и ее жизнь с Бриком, и их первую брачную ночь.

Из-за Лили интимная жизнь тихого, совсем не публичного человека Осипа Брика тоже стала фактом литературы. Он что, совсем не ревновал Лилю? А был ли он вообще нормальным?.. А женщины, женщины его интересовали? Лиля говорила, что Осип был спокойного темперамента, не означает ли это, что он был просто импотент? Поэтому он и не мог удовлетворить Лилю!.. И не была ли их первая брачная ночь с Лилей ужасной драмой?! Лиля поняла, что он ничего не может, а он понял, что Лилины аппетиты в постели как у людоеда, и ему осталось только отступить, и больше между ними никогда ничего не было!.. Единственное, что, кажется, никогда не предполагалось, это гомосексуальная связь Брика с Маяковским, и то

потому, что Маяковского никто не мог заподозрить в этом, слишком много и громко у него было женщин.

Мы бы ничего не узнали о первой брачной ночи Лили и Осипа, как ничего не знаем ни о чьей первой брачной ночи, кроме своей, если бы не Маяковский. В самом начале отношений с Лилей Маяковский потребовал, чтобы она рассказала ему «все» об их с Осипом любви. Все, включая подробности о первой брачной ночи. Лиля могла отказать ему, не рассказывать, но рассказала. Как Лиля ему это рассказывала: сначала он... тогда я... а потом мы?..

Маяковский увековечил первую брачную ночь Бриков:

В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика.

Лилина мать поставила на столик у постели молодоженов вазу с фруктами, а шампанское Лиля и Осип захватили со свадебного стола.

Маяковскому было всего двадцать два года, и из его ревности и страдания получились стихи, бурные, даже истерические:

Нет.
Это неправда.
Нет!
И ты?
Любимая,
за что, за что же?!
Хорошо —
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!

Зато теперь мы знаем, что бедного Осипа обвинили напрасно: бурная реакция Маяковского на Лилин рассказ не подразумевает никакой супружеской неудачи Осипа, наоборот. Все это сплетни, что Осип был не очень хорош в постели и Лиля сразу же разочаровалась! Не было никакого разочарования ни у Лили – в незначительных способностях Осипа к любви, ни у Осипа – в слишком больших требованиях Лили. У Лили и Осипа была счастливая брачная ночь. Вот и закончилась юность Лили и Оси. Лиля пишет, что первые годы с Осипом были в ее жизни «самые счастливые». Родители Лили сняли им четырехкомнатную квартиру в Чернышевском переулке, Лиля ее обставила, украсила, и даже Осип, привыкший к респектабельности, удивился богатству обстановки.

Что было дальше, нечего даже рассказывать, – все как у всех. Осип работал, собирал библиотеку, приходил домой, восхищался Лилей, они ужинали, музицировали, читали Ницше, Кьеркегора, Данте. Лиля была счастливая молодая жена: украшала дом, заботилась, чтобы было красиво, вкусно, готовилась к приходу мужа, надевала красивое платье, укладывала волосы. Наверное, она выглядывала в окно, услышав его шаги, бежала к зеркалу проверить прическу.

Лиля: «Мы никогда с ним не спали в одной постели, он этого не умел, не любил. Он говорил, что тогда он не отдыхает». Но у них были ночи, была любовь! У Бриков была мирная семейная жизнь, полноценная любовь, и физическая тоже. Ни одной женщине не захочется создавать семейный уют для человека, с которым нет любви. Экслибрис Осипа изображает

объятие Паоло и Франчески с цитатой из Данте: «И в этот день мы больше не читали», – это о том, как они читали-читали, а потом стали любить друг друга.

С Осипом Лиле было спокойно, уютно, безопасно. Он интересовался искусством, а на жизнь зарабатывал коммерцией. Осип был богат, у Лили было хорошее приданое, они тратили деньги не считая, много времени проводили на ипподроме, а кроме этого, были театры, варьете, автомобильные прогулки. Буржуазная, красивая, спокойная жизнь, как и хотела Лиля.

Лиля и Осип только что поженились и очень счастливы. Умница Лиля все сделала правильно. Они с Осей действительно созданы друг для друга, кроме «интереса к интересному», есть еще кое-что – они одинаковые в самом главном.

Лиля и Осип Брики очень похожи – у обоих повышенное чувство самосохранения, оба по-умному расчетливые, оба умеют извлекать практическую пользу из своей любви к «интересному», оба приспособленные, цепкие к жизни, крепко стоящие на земле – не спихнешь.

...Лиля и Осип только что поженились и очень счастливы, и вроде бы смерть здесь ни при чем, но ведь по-настоящему женятся до смерти. Осип Брик умер в 1945-м. «...Со смертью Оси умерла я», – говорила Лиля. Такое не придумаешь для красоты, это даже как-то не похоже на Лилю – умереть вместе с кем-то. Как будто это и не Лиля Брик сказала, а вдова, бесконечно любящая своего единственного мужа.

Первые годы брака у Лили не было романов. Ну а потом были. Всем интересно – почему Осипу были безразличны ее измены? Все версии сводятся к тому, что он не связывал любовь с сексом, иными словами, любил Лилю как друга, как близкого человека, – но он же писал матери: «Я ее люблю безумно»! Это письма мужчины, совершенно равнодушного к эротике.

По словам Лилиной приятельницы, у Лили было «обостренное половое любопытство». Через два года после свадьбы, в 1913 году, в Париже они с Осипом посетили дом свиданий, посмотрели любовь двух лесбиянок, и в Самарканде тоже побывали в борделе – даже если это Лиля водила мужа по борделям, у Осипа тоже было «половое любопытство».

Через несколько лет после свадьбы Лиля пришла домой под утро и тут же призналась Осипу, что провела ночь в борделе – встретила знакомых, пошли в ресторан, опьянела, и... так вышло. Осип спокойно сказал в ответ: «Прими ванну и обо всем забудь». Что это – любовь, равнодушие, испорченность? Но что же он должен был ей сказать – раз так, пошла вон? И тогда его поведение будет высокоморальным?!

Осип Брик – очень хороший муж, не потому что с ним можно просыпаться в борделях, просто человек, у которого нет готовых нравственных оценок по любому поводу, а есть разумное принятие ситуации – раз так, значит, так, – хороший муж.

Лиля и Осип любили Чернышевского «Что делать?». Мы уже про эту книгу забыли, а в ней написано не только про революцию, а еще про то, что женщина должна иметь право жить не только с мужем, но и с другими мужчинами, иметь отдельную спальню, а ревность – «гнусное чувство». Одни могут теоретически воспринять эти идеи, другие ни за что, а Брикам эти идеи очень подходили – обоим, не только Лиле. Все задаются вопросом, почему Брик Лилю не ревновал? Ревность – это генетическое нежелание, чтобы твоя женщина спала с другими самцами, приносила незаконное потомство. Вроде бы природу не обманешь, получается, если нет физической ревности, значит, нет любви.

Но Брик знал, что Лиля иначе не может, что ей непременно нужна сексуальная свобода, что у нее «обостренное половое любопытство»... А может, это как раз настоящая любовь? Знать, что нужно твоему партнеру. И принимать это. Может быть, Брик понял: единственный способ удержать Лилю и самому уберечься от страданий – это легкое, безразличное отношение к ее изменам. Сначала это вызвало у Лили досаду, изумление, заинтересованность – а почему так? А затем привязало к Осипу еще сильнее.

Что вообще означает «обостренное половое любопытство»? Лиля, конечно, была женщиной с яркой сексуальностью. Нет, не так. Про ее сексуальность могут доподлинно знать ее любовники, а мы знаем только, что у нее был повышенный интерес к сексу. Но важно, какое это было время – совсем не пуританское, время, когда сексуальная свобода была частью свободы вообще. Нервное предчувствие перемен, истерическая убежденность в том, что нужно жить здесь и сейчас, склонность к суициду, подчеркнутый интерес к эротике, сексуальная раскованность, жажда остроты ощущений, отрицание «бабушкиных нравов» – вот что тогда было, и Лиля была женщиной своего времени. Лиля жила в нестрогую эпоху и вращалась в нестрогих кругах...

ЧЕЛОВЕК, 13 ЛЕТ

Смешная история про Лилю. Вчера к бабуле приходила одна древняя старушенция и рассказала.

Один человек, Роман Яacobсон, приехал в Москву. Он какой-то на весь мир очень знаменитый филолог, его все знают. Он уехал из России... кажется, в 19-м году. А приехал в первый раз в Советский Союз уже только в 70-х. Лиле и Эльзе он был друг всей жизни. Их семьи дружили, и они вместе росли, у них были праздники общие, дни рождения, на даче играли вместе. Он был младше Лили и больше дружил с Эльзой.

Когда они все выросли, он в Эльзу влюбился, стал дружить с Лилей и Осипом и с Маяковским, уже как взрослый. Они все были друзья и даже иногда вместе жили. В общем, Роман Яacobсон был самым близким к ним четверым, к Лиле, Эльзе, Осипу и Маяковскому. Знал о них все, что только можно знать, если так близко дружишь и общая жизнь.

Он в первый раз за 50 лет к нам приехал, и он ужасная знаменитость, поэтому его встречало много народу, целая толпа людей.

И вдруг из толпы встречающих выбежала Лиля, подлетела к нему, как птичка. Лиля подбежала, обняла его и шепнула: «Рома, не выдавай!»

Как это похоже на Лилю! Сразу же подумать о себе, подбежать на глазах у всех и велеть – не выдавай! Она испугалась, что он будет давать интервью, встречаться со старыми знакомыми и что-нибудь не то про нее и про всех них расскажет! Вот какая! Он уже старый, она старая! А ей самое важное, чтобы он случайно чего-нибудь про нее не ляпнул, чтобы все было, как она рассказывала!

...Вообще-то история древней старушенции не выдерживает самого простого вопроса – а кто мог услышать ее шепот? Бабуля на мой вопрос поджала губы и сказала, что это апокриф, а я глупая. Не забыть посмотреть в словаре, что такое «апокриф»! Но своей головой без словаря я так понимаю: все это так похоже на Лилю, что неважно, было это или нет.

Бабуля мечется между злостью и восхищением и сама не знает, какая версия правильная – плохая или хорошая.

Плохая версия: Лиля – злой гений русской поэзии. Развратная женщина, жила одновременно с двумя, она и ее муж вцепились в Маяковского, потому что поэт их содержал и обеспечивал им положение в обществе, без него они были никто. Лиля изменяла Маяковскому, требовала у поэта, чтобы он привез ей из Парижа чулки, платья и автомобильчик. А когда поняла, что он собирается жениться на другой, довела его до самоубийства.

Хорошая версия: Лиля – муза русского авангарда. Брак Лили с Бриком перестал быть браком еще до встречи Лили с Маяковским, она любила Брика только как близкого друга. Лиля была музой Маяковского, нежно и преданно его любила. Брик и Маяковский были ближайшими друзьями, и все это – красивая история любви.

Плохая версия даже в кратком пересказе получилась длиннее, чем хорошая. Плохое вообще всегда длиннее, чем хорошее...

Чуть не забыла самое главное: Якобсон потом говорил, что во всей их истории есть кое-что самое важное, чего он никогда никому не расскажет. Жаль. Когда говорят: «Я знаю тайну, но не скажу», смертельно хочется ее разведать, эту тайну. Но что это могло быть, что?.. Что «не выдавай»?

Что «не выдавай» – все? Что Лиля не любила Маяковского, что все это – пиар-кампания? Что он не занимал в ее жизни значительного места? Что Брики манипулировали Маяковским, играли с ним в психологические и сексуальные игры? Что Лиля отняла его у сестры поживому? Что обе сестры одновременно спали с Маяковским? Что Маяковский не нравился обеим сестрам в постели?

«Не выдавай» – что? Что она была с Маяковским жестока, что относилась к нему потребительски, что хотела уехать из России, что только случайно осталась музой? Что Лиля рисовала свою и его судьбу задним числом, придавая всему другие оттенки каким ей хотелось цветом?

...Ну и что? Это все не потому, что Лиля плохая, а потому, что она живая.

Дневник Маяковского частично закрыт Лилей, дневник Лили частично закрыт, дневник Эльзы закрыт в Париже ее душеприказчиками... Что они все скрывали?..

ЧЕЛОВЕК, 13 ЛЕТ

Еще бабуля с древней старушенцией обсуждали книжку «Лолита», вернее, Лилю и «Лолиту». Что эта книга про «самое безнравственное, что может быть», – про отношения с девочкой. А Лиля в старости говорила о «Лолите»: «Ну, подумаешь! Пощупал девчонку». Бабуля Лилю защищала, говорила, Лиля жила во время радикальной сексуальной практики – она всегда защищает ее перед чужими. Что такое радикальная сексуальная практика? Что-то очень непонятное, может быть, это садомазохизм?

А старушенция в ответ хихикала, что Лиля вспоминала свою юность и не могла понять, из-за чего тут шум поднимать, – подумаешь, девчонка.

Мне кажется, что она так же и про измены думала – подумаешь, измены, и про Маяковского – подумаешь, Маяковский, и про сестру – подумаешь, сестра...

Глава 3

Сестры

Психологи считают, что отношения сестер гораздо сложнее, чем любовные отношения или отношения родителей с детьми, что это самые сложные из всех возможных связей между людьми. Отношения Лили и Эльзы действительно сложные, тут все смешано: восхищение, чувство неполноценности – это Эльза, ревность, зависть, желание взять реванш – это они обе, и Эльза, и Лилия. Ну, и любовь Лили и Эльзы друг к другу, которая не становилась меньше из-за вечного соперничества.

В соперничестве сестер всегда побеждала Лилия. Она – муза знаменитого поэта, она освещена светом страсти Маяковского, она вошла в историю. Но под конец жизни вроде бы было не так, под конец жизни победила Эльза. Эльза живет в Париже, Эльза знаменитая писательница Эльза Триоле, а Лилия – кто? Под конец жизни, в семидесятые годы, с Лили официальными методами сбили флер музы поэта, объявили не музой, а самозванкой, решили, зачем главному советскому поэту муза-еврейка, да еще эта их сомнительная жизнь втроем?.. Лилию тщательно убирали из жизни Маяковского, из всех воспоминаний о нем, и даже с фотографий, которые печатались в советской прессе, Лилию отрезали. Фотографии без Лили выглядели странно: вот стоит Маяковский, его голова наклонена в пустое пространство, и рука повисла, словно он обнимает пустое место... Пустое место – это Лилия. В общем, под конец жизни Лиле досталось множество неприятностей, а Эльзе досталась слава.

Ну а когда обе сестры ушли, опять победила Лилия, уже посмертно. Лилию объявили одной из самых удивительных, загадочных женщин столетия, а Эльза... ну, была такая писательница Эльза Триоле, известная теперь только литературоведам. Эльзу гораздо чаще вспоминают в связи с Лилей. Лилия – муза поэта, а Эльза – всего лишь ее сестра, важная фигура, потому что знает много Лилиных секретов.

Эльза, когда была подростком, была ужасно собой недовольна... Человек в юности может не нравиться себе, это мучительное занятие – думать, как ты нехорош, – я точно знаю, я думала, что я слишком худая. Но я все же немного себя обманывала: один человечек во мне думал, что он хуже других, а другой кокетливо любовался собою и был уверен, что он лучше других. А Эльза всерьез страдала.

Эльза была так недовольна собою, она почти себя ненавидела, – считается, что для подростков это норма. Но это такое же привычное заблуждение, как то, что дети жестоки, – один жесток, а другой нет. Так же и подростки: один не нравится себе, а другой считает себя звездой – и это тоже навсегда. Лилия ребенком была жестокой, Эльза мягкой и податливой, девушкой Эльза считала себя ужасной, недостойной любви, а Лилия – самой достойной в мире...

«Бог дал мне желание любить, создал мою душу для любви, но не дал мне тело, сделанное для любви», – так пишет в дневнике шестнадцатилетняя Эльза.

Почему Эльза считает, что ее тело «не сделано для любви»? Да все потому же. Я думала, что я слишком худая, а Эльза – что слишком толстая. Эльза действительно пухлая. Но она очень хорошенькая, немного как купчиха с картин, как будто налитая здоровьем... Но ведь быть пухлой не модно, модно быть худой, изможденной, бледной, изящной.

Жаль Эльзу. Сестра, такая успешная, всегда перед ее глазами, и Эльза все время сравнивает себя с Лилей, горестно думает: «Ах, почему я не такая, как она!..» и чувствует, что она неудачница, второй сорт. Как я, почти как я в детстве, когда мне казалось, что «бабуля больше любит Лилию», когда Лилия была моим наваждением, которое я по ночам старалась превратить в подругу.

Лиля как будто ее наваждение, Лиля важнее для Эльзы, чем она сама... Эльза даже в дневнике пишет не столько о себе, сколько о сестре: «Я должна была родиться красивой. Тогда бы мне не нужно было бы столько денег, то есть, не то чтобы не нужно было бы, но подобно Лили это бы не снилось мне».

Интересно, правда? Эльза говорит – нужны или деньги, или красота. Если есть красота, то проще смириться с тем, что нет денег. Но лучше, конечно, и деньги, и красота – очень здравая мысль, совершенно современная. И по этой Эльзиной фразе можно сказать: есть надежда, что она – здравая девушка, не пропадет в своих комплексах, выправится.

Эльза расстраивается из-за того, что Лиля не обращает на нее внимания, ревнует, сравнивает себя с ней, восхищается, завидует, хочет быть такой же. И делает вид, что они с Лилей одинаковые. «Я бессовестная, невыносимая, и я никогда не бываю довольной. Точно как Лили». Это очевидная неправда, Лиля собой довольна, и всем довольна, а если чем-то недовольна, то действует, а не жалуется.

Эльзе снятся «чувственные сны», она «жаждет непристойностей, лишь бы они не были противными». Именно так было и у меня: эротический сон под утро, то ли сон, то ли явь, и ужасно хочется «непристойностей», но точно не знаешь, чего именно хочешь, – это обязательно должно быть красиво, но не противно, не противно!..

Эльза всегда влюблена. В шестнадцать лет я была влюблена в разных людей без перерыва, и в пятнадцать, и в четырнадцать, и в тринадцать, и вообще, сколько себя помню, лет с двух всегда была влюблена, поэтому я очень хорошо понимаю Эльзу. Когда ты все время влюблена, это почемуто всегда безответно.

Вот такая Эльза – бедный толстый подросток, отличница, окончила гимназию с золотой медалью, хочет секса и одновременно боится, всегда влюблена в кого-то, и никто никогда не влюблен в нее.

Этот пухлый закомплексованный подросток в 1914 году познакомился с Маяковским. Родители были в ужасе, Елена Юльевна даже плакала – что уж она так расстраивалась, наверное, предчувствовала, что он испортит жизнь ее девочкам...

Маяковский ведет себя у них в доме нахально, с отцом Эльзы не разговаривает, Елене Юльевне говорит: «Простите, я у вас все котлеты сжевал» – в общем, он не из тех, кто нравится родителям. И все происходит как у всех, когда родителей раздражает присутствие нежелательного поклонника в доме, но впрямую выгнать все же неловко... Эльза с Маяковским сидят вдвоем в кабинете, а мать нервно ходит туда и обратно: «Владимир Владимирович, вам пора уходить». Но «Володя, нисколько не обижаясь, упирался и не уходил...»

Лиле о Маяковском рассказала не Эльза, а мать, и Лиля укоризненно сказала младшей сестре: «Из-за твоего Маяковского мама плачет»... Вот какая! Как будто она сама никогда не доставляла матери хлопот!..

Лето – время тайных романов. Родители на даче, а Эльза встречается с Маяковским в пустой московской квартире. Пыльная тишина, свернутые ковры, зачехленные рояли, завешенные лампы, Маяковскому двадцать один год, Эльзе семнадцать...

Эльза, через много лет: «...У меня не было никакой другой мысли, кроме как о Владимире, я выходила на улицу в надежде увидеться с ним, я жила только нашими встречами. И только он дал мне познать всю полноту любви. Физической – тоже».

Пришел конец ее томлению, она любит, и ее, кажется, любят тоже. Потом, когда они уже все были «персонажи истории», семья Лили утверждала, что Эльза и Маяковский тогда так и не стали любовниками и вообще не были любовниками, – наверное, Лилиным наследникам так казалось приличней. Но Эльза недаром написала про полноту физической любви. Даже если страстный и уже опытный Маяковский и неловкая страстная Эльза «не перешли последнюю грань», если между Маяковским и Эльзой были лишь ласки, то эта «последняя грань» ничего не решает, – физическую любовь можно познать незабываемо ярко и без полового акта.

Эльза радостно познакомила Маяковского с сестрой и Осипом – она так им гордилась, так хотела похвастаться, поднять свою значимость в Лилиных глазах, но – нет, повысить свою значимость за счет Маяковского не вышло. Маяковский Лиле не понравился.

Маяковский пришел к Брикам, дал Лиле почитать стихи, спросил Лилю – ну, как? А она небрежно ответила «не особенно». Лиля потом объяснила – она знала, что автора нужно хвалить, но ее «так возмутило Володино нахальство». А Осип, лежавший на диване, вообще отвернулся к стене, желая, чтобы Маяковский поскорей ушел. Эльзин план провалился, никто Маяковского не оценил...

Эльза восхищалась им и его стихами, читала наизусть, в общем, по мнению Лили, вела себя как восторженная дурочка. Лиля очень ее уговаривала порвать с Маяковским, и Осип тоже, – они вели себя как взрослые разумные родственники глупышки, влюбленной в неподходящего человека. Эльза упрячилась, рвать с Маяковским не хотела. Но она была еще девочка, жила в Лилиной семье, зависела от ее оценок, и получилось, что у нее остался единственный шанс сохранить Маяковского – дать ему возможность почитать свои стихи. Тогда Лиля и Осип поймут, что он великий поэт!

Брики были упорны в своем нежелании видеть Маяковского, должно быть, они были сильно предубеждены против него, иначе почему бы им не послушать стихи? Лиля и Осип отказывались, Эльза дулась, настаивала, хитрила – ну послушайте его один раз, ну пожалуйста, ну что вам стоит!.. Она страстно желала доказать Лиле, что ее любимый – великий поэт и что сестра зря относится к Маяковскому пренебрежительно.

Бедная Эльза! Неужели она не понимала, что у нее нет шансов на благоприятный исход? Если Маяковский не понравится, то отношение к ее любви останется пренебрежительным, и ей запретят с ним встречаться. А если понравится, то – осторожно, Лиля!.. Неужели она не понимала, что из них двоих Лиле всегда доставалось все самое хорошее, и, если Маяковский действительно «хорошее», она отберет его у нее? Но Эльзе это не приходило в голову.

Непредусмотрительная Эльза! Девочки ведь стараются не знакомить своих мальчиков с признанными красавицами, на всякий случай. Я бы на ее месте всячески избегала знакомить Маяковского с Лилей, оставила бы Маяковского для себя, встречалась бы с ним тайком, положила бы его в маленькую шкатулочку, сделала бы из него секретик в дальнем углу сада, серебряная бумажка под стеклышком, подошла, потерла пальцем – красиво... Но Эльзе не нужно было, чтобы секретик, ей было важно, чтобы Лиля увидела, оценила. Оценила не самого Маяковского, а ее, Эльзу, способную привлечь такого мужчину!..

В шестнадцать лет Эльза ненавидела свое тело, но теперь ей семнадцать, ее любят, ее тело оказалось «сделанным для любви»... так, может быть, теперь она не хуже Лили? Не меньше достойна любви? Эльза любила Маяковского, он был ее первый мужчина, они встречались около года. Маяковский – ее гордость, главный козырь, чтобы взять реванш у сестры, доказать, что и она чего-то стоит.

Глупая Эльза, наивная Эльза, бывший закомплексованный подросток, доверчивый подросток, мечтающий о любви... Она все-таки настояла на своем, и Маяковский был допущен в дом.

Лиля: «Поздоровавшись, он пристально посмотрел на меня, нахмурился, потемнел, сказал: „Вы катастрофически похудели...“ И замолчал. Он был совсем другой, чем тогда, когда в первый раз так неожиданно пришел к нам. Не было в нем и следа тогдашней развязности. Он молчал и с тревогой взглядывал на меня».

Только что умер отец Лили и Эльзы – сестры вернулись в Петроград с похорон. Маяковский в свое время переживал смерть отца очень тяжело, и он, наверное, просто жалеет Лилю и, как многие, не умеет выразить жалость, не умеет сказать: «Я выражаю вам соболезнование», это совсем не его слова.

Лиля так неразрывно ассоциируется в нашем сознании с литературой, кажется, она всегда была «музой русского авангарда», но это совершенно не так: в 1915 году, когда Эльза привела к Брикам Маяковского, Лиля была богатая, светская, ничем не связанная с литературой.

«...Пряительницы у нее богатые дамы. Есть даже банкиры. Люди, в общем, без родины, живут они в квартирах, похожих на восточные бани, покупают фарфор и говорят даже остроты, не глупы, по-своему международны. При них артистки, не очень много играющие, немножко слышали про символизм, может быть, про Фрейда... Они едят какие-то груши невероятные, чуть ли не с гербами, чуть ли не с родословными, привязанными к черенкам плодов». Так пишет друг Бриков и Маяковского Виктор Шкловский².

О ком это? О новых русских? Это «предреволюционное, предвоенное общество...»

Круг Бриков был совершенно не литературный, не художественный и даже не очень интеллигентный – коммерсанты, банкиры, актрисы, денди, золотая молодежь, «новые русские» того времени. И сами Брики были «новые русские». Для Лили искусство было частью моды, принадлежностью светской жизни. Шкловский пишет, что до знакомства с Маяковским Лиля любила стихи «розы и морозы», то есть стихи она несколько не любила и ничего в них не понимала. И к Маяковскому Лиля с Осипом отнеслись без пиетета: ладно уж, пусть мальчик встанет на стул и прочитает стихотворение, только быстро.

Маяковский получил разрешение читать стихи.

Лиля: «Между двумя комнатами для экономии места была вынута дверь. Маяковский стоял, прислонившись спиной к дверной раме. Из внутреннего кармана пиджака он извлек небольшую тетрадку, заглянул в нее и сунул в тот же карман. Он задумался. Потом обвел глазами комнату, как огромную аудиторию, прочел пролог...»

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огро́мив мощью голоса,
Иду – красивый,
двадцатидвухлетний.

Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
Чтобы были одни сплошные губы!

Лиля: «...Прочел пролог и спросил – не стихами, прозой – негромким, с тех пор забываемым голосом: „Вы думаете, это бредит малярия? Это было, было в Одессе“. Мы подняли головы и до конца не спускали глаз с невиданного чуда».

Эльза торжествовала, гордо посматривала по сторонам – слушают, и, кажется, нравится! Ей хотелось кричать, как ребенку, – я говорила, говорила!.. Разве это может не вызвать восторга?!

Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,

² В. Шкловский – литературовед, автор книг, которые считаются классикой литературоведения, основатель «формального метода», вся его жизнь прошла рядом с Бриками и Маяковским, он был и другом, и недругом, так что свидетель он пристрастный, но других свидетелей у нас нет.

что у каждого есть голова, —
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!

Маяковский читал «Облако в штанах». Эльза переводила глаза с Маяковского на Лилию, с Лили на Маяковского, приклеиваясь к нему влюбленным взглядом. Когда ты еще не очень взрослая, влюблена, кажется, что такого – никогда, ни у кого, ни с кем, только с тобой и с ним, – любовный вихрь вьется по всему телу, замираешь от его голоса, хочется немедленно отдать ему все, умереть для него, быстро вырасти и стать для него всем.

Какой был Маяковский? Когда влюбленная Эльза притащила его в дом нежеланного, когда он читал Брикам «Облако в штанах», когда «наметилась судьба» всех, кто слушал его?

Маяковский был очень красив!

«Не только фигурой, но и лицом... он очень похож на Аполлона... очень высокий, стройный».

«Он садился на стул как на седло мотоцикла, подавался вперед, резал и быстро глотал венский шницель, играл в карты, скашивая глаза и не поворачивая головы...»³.

Эльза влюбленно глядела на Маяковского и мечтала стать для него всем, Лилия смотрела на Маяковского, и, кажется, я знаю, о чем она думала. Она думала – интересно...

Лилия: «Маяковский ни разу не переменял позы. Ни на кого не взглянул. Он жаловался, негодовал, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями».

Реакция Брика на чтение поэмы была совершенно восторженная, не характерная для этого не очень эмоционального, сдержанного человека.

Лилия: «Он не представлял себе! Думать не мог! Это лучше всего, что он знает в поэзии!.. Маяковский – величайший поэт, даже если ничего больше не напишет».

О своей реакции на поэму Лилия не упоминает, только о реакции Брика. Это очень важно, потому что не было у Лили никакой собственной реакции! Лилины мнения вообще формировал Брик, а потом она их транслировала, – как будто Брик рисовал, а она раскрашивала. Лилия была очень умная женщина и оттого точно знала, что Осип умнее, чем она.

Маяковский дочитал до конца, уселся пить чай рядом с Эльзой, как бы при ней, как и полагалось, – он ведь с ней пришел. «Ося взял тетрадь с рукописью и не отдавал весь вечер – читал». Эльза победительно смотрела на Лилию, она была счастлива и горда, это был очень счастливый миг для Эльзы, миг двойного торжества, любви и тщеславия.

Что было важнее для нее, что Маяковский – любимый, что он великий поэт? Или Лилия, ее одобрение? Чтобы быть с Лилей на равных?

Осип читал рукопись, Маяковский пил чай с вареньем, Эльза любила и гордилась, Лилия – какие она испытывала чувства? Подспудное недовольство и обиду – почему это при ее незаметной младшей сестре вдруг оказался гений?!

Маяковский сказал: «Можно посвятить вам?» Он взял тетрадь у Брика и написал: «Лиле Юрьевне Брик».

Ну... Что тут скажешь?.. Сначала не понимаешь. Совсем не ожидаешь, что тебя предадут... Эльза заметалась глазами, покраснела, притворилась, что не больно, что не мазнули тряпкой по лицу. Попыталась найти какие-то необидные объяснения его поступку. Может же быть, что он посвятил поэму ее сестре, чтобы расположить Лилию к себе и чтобы она встала на их сторону? Или он был возбужден и очарован атмосферой дома и посвятил поэму Лиле

³ Это написал Пастернак, написал, как будто влюбленная женщина, и в это описание действительно можно влюбиться.

из любезности, как прелестной хозяйке?.. Но в глубине души все равно сразу понимаешь... Ее предали, и устроила все это она сама, своими руками – умоляла сестру, чтобы позвали, послушали...

А Лиля, что Лилия? Сделала вид, что ничего не произошло? Попыталась сгладить ситуацию? Сказала успокаивающим материнским голосом какую-нибудь добрую глупость вроде: «Ну что вы, Владимир Владимирович, что же вы мне-то посвящаете, вы вот лучше Эльзе посвятите, смотрите, какая она у нас хорошенькая»?

Знаем мы эту Лилию! Она была безумно рада. Это внезапное «Лиле Юрьевне Брик» было для нее как «пришел, увидел, победил». Лилия испытала мгновенное торжество, поглядывая из-под ресниц на сестру как на побежденную соперницу, самодовольно улыбнулась в душе, потому что произошло нечто само собой разумеющееся – она первая, она!

Почти сто лет прошло, и теперь мы точно знаем, что с ним в то время происходило. Когда Маяковский молча смотрел на Лилию, когда читал стихи, пил чай, спрашивал разрешения посвятить ей поэму, его организм «влюблялся». То есть реагировал на Лилию образованием гормонов – дофамин, фенилэтиламин и окситоцин вызвали у него выделение слюны, покраснение кожи, учащенное дыхание, влюбленный бред, помутнение рассудка, всплеск эмоций, эйфорию и желание ни за что не разлучаться с предметом любви. Произошло все это не случайно: гормональная система Маяковского уже некоторое время находилась в ожидании объекта для выработки гормонов влюбленности, и Лилия Брик оказалась подходящим объектом. Но почти сто лет прошло, а мы все равно ничего не понимаем – почему одна, а не другая, почему Лилия, а не Эльза, почему Лилия опять первая?! Почему Лилия отняла у сестры Маяковского мгновенно, словно выдернула конфету изо рта?

...Лилия опять первая, а Эльза из юной цветущей девушки превращается в прежнего нелепого страдающего подростка. Бедная девочка, она только начала любовную жизнь, и тут Лилия – цап, и схватила ее любимого, как коршун. Эльзе было бы легче, если бы это была чужая, не Лилия. Но получилось совсем невыносимо – не просто ее бросили, оставили, пренебрегли, а еще подсыпали соли в саднящую детскую ранку.

У Лилии есть муж и поклонников без счета, а у Эльзы – только Маяковский, первая любовь. Получилось, что богач позавидовал бедняку и украл его единственную овцу – Маяковского... Маяковский и повел себя как овца – пошел за Лилей как бедная влюбленная овечка...

После чтения у Бриков Маяковский объявил друзьям, что встретил единственную женщину в своей жизни. Через несколько месяцев, перед тем как напечатать поэму, Маяковский переписал посвящение, и стало: «Тебе, Лилия».

...Что же Эльза? Эльзы больше не было. Эльза отошла в сторону, мгновенно растворилась – кажется, уехала в Москву, Маяковский не обратил внимания. Через два месяца Эльза написала Маяковскому: «Так жалко, что вы теперь чужой, что я вам теперь ни к чему... Как-то даже не верится, но так уж водится, что у нас с Лилей общих знакомых не бывает... Так я к вам привязалась, и вдруг – чужой...»

Как печально... Но почему бы Эльзе не побороться? Не «выяснить отношения» с сестрой, с Маяковским? Как-то проявить свою обиду, бешенство? Рыдать, устроить истерику? Или хотя бы тихо беспомощно плакать, показать свою растерянность, покорность, чтобы Лиле было стыдно и неприятно? Но детские отношения самые устойчивые, цепкие – модель никогда не меняется. Брик увидел гениальность Маяковского, вот Лилия и захотела иметь Маяковского, как всегда хотела что-то стоящее, – все стоящее должно было принадлежать ей. Лиле нужно быть первой, а Эльзе нужно слушаться. Лилия сказала «крэкс!», и Эльза отступила. Боялась, что Лилия превратит ее в кошку или лампу?..

Всегда интересно спросить: а если бы все было не так? Всегда интересно: причины изменившего всю жизнь события в цепочке случайностей или в нас самих?

Предположим на секунду, что все произошло иначе: Маяковский прочитал стихи, Брику стихи не понравились, он лег на диван и отвернулся от Маяковского к стенке. И Лиля пренебрежительно усмехнулась бы и пожала плечами, насмешливо глядя на Эльзу, – вот видишь, ничего он собой не представляет, этот твой Маяковский...

И что же, тогда музой Маяковского стала бы Эльза, и Эльза вошла бы в историю как самая загадочная женщина века?..

Нет, все-таки нет. Сестры были слишком разными, и, честно говоря, Эльза все-таки была не то... не совсем то... совсем не то... Нет, конечно, Эльза выросла и перестала быть гадким утенком, в нее потом влюблялись, делали предложения, и она дважды выходила замуж, но все-таки в ней не было чего-то необходимого, в ней совсем не было злости...

Это как в драке – побеждает не та собака, что больше, а та, в которой больше драки. В Лиле было очень много драки. Теперь это модно называть харизмой, но это все то же – сила, обаяние, злость. А Эльза была как плюшевый мишка, и не только потому, что пухлая. Она и душой была немного плюшевый мишка. В Эльзе, как во всяком подростке, все еще живут два человечка: один хочет, другой плачет... Но ведь и во взрослой Эльзе будут жить два человечка, а Лилия и подростком была цельная.

Есть такая теория любви, на первый взгляд, довольно циничная. По этой теории все мы находимся на рынке – на рынке личностей, где каждый из нас предлагает себя как товар. Наша личность и есть наш товар. Это может быть красота, а могут быть деньги. Может быть, мы предлагаем силу духа, надежность, обаяние, какие-нибудь необыкновенные нравственные качества... В общем, каждый представляет собой какую-то определенную ценность как товар. И любому человеку, конечно, хочется заполучить кого-то получше, но в соответствии со своей ценностью мы можем рассчитывать на определенного партнера – не меньше, но и не больше.

Получается, что мы все лежим на прилавке, как галоши, и можем выбрать себе по мерке, и нас выбирают тоже по мерке. И нам могут сказать – ты пытаешься втиснуться в галошу не своего размера... Как мы в детстве говорили: «Тебе это будет слишком жирно!»... А собственно, почему эта теория цинична? Это правда жизни, вот что это.

...Так вот, Маяковский был не Эльзин размер. Маяковский ей был «слишком жирно». На рынке личностей Эльза была вполне достойным товаром – из вечно недовольного толстенького подростка уже выглянула милая девушка, неглупая, привлекательная, образованная, из хорошей семьи. Но – не тайна, не загадка, не омут, заглянул и не заметил, как затянуло... Нет, даже если бы Лилия в этот день не было дома, или у нее был бы насморк и распухший нос, или Брик не пришел бы в восторг от поэмы – все равно Эльза не стала бы музой Маяковского.

Почему Маяковский влюбился в Лиллю? Как Лилия смогла притянуть к себе Маяковского так мгновенно и сильно, что она вообще делала, что мужчины влюблялись в нее, как мухи прилипают к липкой ленте, – раз, и пропал навсегда?!

Один француз написал, что Лилия была такая, что «каждому казалось, что он с ней уже спал». Он хотел ее обидеть, хотел сказать, что это как в животном мире: если самка сигнализирует самцам о своей готовности к половому акту, то они начинают хотеть полового акта и готовы бороться за него, то есть за самку. Но, может быть, это и есть ее магнит?

«Каждому казалось, что он с ней уже спал»... При взгляде на нее у мужчины возникает ощущение, что эта женщина – его. Он с ней не спал, но ему кажется, что она его. Не спал, но может – наверное, в этом и секрет, в этом недоумении, желании и уверенности, что можно. Но как она добивалась этого ощущения, что уже что-то было? Думаю, она смотрела на мужчину и представляла его в постели.

Но это так просто! Каждая женщина может посмотреть на мужчину, как будто он сейчас с ней в постели, – я так предполагала. Попробовала посмотреть на одного человека так, как будто он со мной в постели, здесь и сейчас. Человек удивился, сказал – что ты смотришь на меня

как обезумевший баран? Неплохое обозначение моей сексуальности и обаяния – обезумевший баран. Так что нет, не каждая. Как ни крути, получается тайна, секрет. Лиля – это Лиля, а Эльза – как все, как я.

А Лиля... «У нее карие глаза. Она большеголовая, красивая, рыжая, легкая, хочет быть танцовщицей». «Л. Брик любит вещи, серьги в виде золотых мух и старые русские серьги, у нее жемчужный жгут, и она полна прекрасной чепухой, очень старой и очень человечеству знакомой. Она умела быть грустной, женственной, капризной, гордой, пустой, непостоянной, влюбленной, умной и какой угодно».

...Маяковский сказал: «Можно посвятить вам?», забрал тетрадь у Осипа и написал над заглавием «Лиле Юрьевне Брик». А потом назвал этот день, знакомство с Бриками, «радостнейшей датой». В этот день образовались два любовных треугольника: «Лиля – Маяковский – Эльза» и «Лиля – Маяковский – Брик».

Эльза, через много лет: «Маяковский безвозвратно полюбил Лилю». Какое красивое слово, красивое и безнадежное. Я бы не хотела полюбить безвозвратно, и я бы не хотела, чтобы меня кто-нибудь полюбил безвозвратно, это красиво, но страшно, как билет в один конец.

Маяковский полюбил Лилю безвозвратно. Но тут что важно – каким Маяковский пришел к Лиле.

«...Она умела быть грустной, женственной, капризной, гордой, пустой, непостоянной, влюбленной, умной и какой угодно... А он был плебей...»

Да, она – какая угодно, это понятно, а он, почему он плебей?..

ЧЕЛОВЕК, 13 ЛЕТ

Сегодня была ссора. Когда бабуля пишет про раннюю лирику Маяковского (это когда у них с Лилей начинался роман, в 15-м году), она на глазах наливается злостью. Не знает, к кому прицепиться, обводит комнату глазами, натывается на меня – и все, начинается... А сегодня она наткнулась еще и на Сережку. Вышла на кухню, а мы там едим котлеты, и Сережка читает мне свои стихи. Она вызвала меня в комнату и прошипела: «Это довольно дурной тон!»...

Что я такого сделала? Все. Все, что я сделала, дурной тон: привела в гости мальчика без предупреждения, была слишком нарядно одета, не представила его по всей форме. Все, что сделал Сережка, тоже было «дурной тон». Не встал, когда она вошла. Конечно, не встал, когда она, как фурия, влетела на кухню. А наоборот, сжался, надеялся, что его не заметят. Почесал нос – это вообще ужас! Не знал ни одного стихотворения Маяковского, даже не знал, кто написал «Крошка сын к отцу пришел...» – фу! И, кстати, съел все котлеты. В общем, Сережка тоже дурной тон.

Это сегодня было ее любимое слово. Лиле тоже досталось. Отругав меня, она принялась за Лилю. Ворчливо сказала, что все, что происходило между Лилей и Маяковским в начале романа, – дурной тон. Она, конечно, имела в виду, что дурной тон задавала Лиля. Она была взрослая и могла бы не водить его в дом свиданий, где золотые канделябры и красный бархат, – это дурной тон... Ох, как бы я хотела когда-нибудь попасть в настоящий дом свиданий с золотом и красным бархатом... Да.

Так вот, она считает, это Лиля поощряла Маяковского к безумным поступкам. Она считает, что Лиля могла бы как выключателем повернуть – сделать его потише, потише, а делала погромче, потому что ей нравились эти внезапные звонки, уходы, возвращения, нравилась бешеная игра в карты и даже его угрозы покончить жизнь самоубийством, Ей нравилось, что между ними такие дикие страсти, а дикие страсти – это довольно дурной тон.

Но ведь все, что по-настоящему происходит между двумя людьми, если они уверены, что никто не подглядывает, можно назвать довольно дурной тон. По-моему, настоящие отношения

всегда не прекрасны, в них много того, что человек вроде бабули, состоящий только из поэзии Маяковского, назовет «дурной тон». Например, секс: если посмотреть со стороны, это совсем не прекрасно. Я много знаю про секс, потому что бабуля со мной обо всем разговаривает.

– А твой любимый Михаил Кузмин? – назло спросила я.

– Что? – всполошилась бабуля. – Прелестный лирик, очаровательный, тонкий человек...

Я молчала и только громко намекала взглядом, что Кузмин был гомосексуалист. И если представить себе его эротическую жизнь в картинках, то она, по бабулиным понятиям, тоже довольно дурной тон.

– Дурной тон – говорить о чьих-то сексуальных предпочтениях. Запомни, люди – разные, – строго сказала бабуля.

Вот именно, разные. Сережка – тоже разный. Подумаешь, съел все котлеты, подумаешь, без ножа, подумаешь, почесал нос, подумаешь, не читал Маяковского.

– Вот если бы я привела домой человека, который все время моет руки? И он бы принес с собой свою чашку и пил из нее чай, потому что боялся заразиться?

– А? – подозрительно сказала бабуля.

– Если бы я привела домой такого человека, ты бы сказала, что у него невроз или просто он псих. А это – Маяковский.

Бабуля, конечно, сразу поняла, к чему я клоню. Это Маяковский все время моет руки, носит с собой свою кружку, возит с собой повсюду надувную ванну, чтобы садиться в свою личную ванну, а не в казенную, в казенную ведь, страшно сказать, усаживалась чужая попа!

А Сережке нельзя даже почесать нос! Он наверняка не побоится плюхнуться в чужую ванну и бесстрашно трогает дверные ручки.

А сама бабуля? Я недавно поймала ее на том, что она смотрела в зеркало и говорила сама себе нежные слова. Она сказала сама себе: «А я еще ничего».

Так что все хороши. И, если подумать, какую гадость мог трогать человек, прикасавшийся до нас к дверной ручке или кнопке лифта... Фу!.. Мы об этом не думаем, а Маяковский думал. Люди думают о разном и разного боятся. Лучше, чем сразу невроз, или псих, или дурной тон, принять, что все люди неодинаковые.

Примером Маяковского я прижала бабулю к стенке! Она согласилась, что Сережка – это не дурной тон, а люди разные. Дурной тон – говорить о Сережке, что он дурной тон. Только потому, что он не читал Маяковского и съел все котлеты. Маяковский, кстати, и сам бы на его месте съел все котлеты.

Так редко бывает, что я победила... Поэтому я решила закрепить успех и сказала: «Вот ты говорила, что Лилин рецепт „как соблазнить мужчину“ – дурной тон. Рецепт такой: надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но что другие этого не понимают. А я попробовала – всего-то один раз сказала Сережке, что он особенный и у него гениальные стихи, а все остальные – дураки. Так он теперь ходит за мной и смотрит на меня, как будто это я – особенная!»

Я победила.

Ну что тут скажешь?.. Человек, 13 лет.

Глава 4

Мальчики никогда не вырастают большими

Каким Маяковский пришел к Лиле?

Ну, самое главное – он был очень красив.

С внешностью Маяковского есть проблемы. Не у Маяковского, конечно, а у нас: мы его никогда не видели, только на фотографиях, и поэтому вынуждены всем верить.

Вот что пишет один хороший писатель, он отчего-то люто ненавидит Маяковского – странно ненавидеть, как живого врага, человека, которого никогда не видел. «Маяковский – человек с вечно распухшим гриппозным носом, с больной головой и влажными руками. Похож на мальчика-переростка, которому ввели какой-то гормон, и он, не повзрослев, увеличился в размерах». Даже как-то жутковато... Но ведь этот писатель, как и я, видел только фотографии и памятник Маяковскому. В памятник Маяковскому можно влюбиться, Маяковский-памятник красив, как греческий бог.

«Это был очень странный человек... Высокий рост при коротких ногах, крупный нос... выступающая нижняя челюсть – жестокая, полное отсутствие зубов, страшные глаза». Неужели этот писатель заглядывал памятнику в глаза?..

Этот же писатель пишет, а была ли у Маяковского мужская полноценность, намекает на сексуальные неудачи. Откуда он знает? Лилю спрашивали, не был ли Маяковский импотентом, она отвечала – со мной никогда. Если ненавидишь человека как живого, можно многое про него придумать... Памятник же не может ответить: «Я не импотент!»

«Не только фигурой, но и лицом... он очень похож на Аполлона, каким его изображают древние греки... очень высокий, стройный... очень был правильный, очень сложен был верно...» – это пишет художник Александр Тышлер, это не голословное утверждение, художник Тышлер рисовал Аполлона в школе, и уж, наверное, его профессиональный взгляд не ошибся!.. Аполлон, а вовсе не мальчик-переросток!

Не знаю, почему я так разозлилась, ведь я сама видела Маяковского на фотографиях, в фильме «Барышня и хулиган». Но со мной всегда так: кто-нибудь скажет что-то уверенным голосом, и я начинаю сомневаться, думаю «он лучше знает». Но своим-то глазам я могу поверить?! Он так красив, что сердце замирает!

Но все-таки какой он был человек?

Те, кому он не нравится, говорят о его неврозах, даже какой-то ненормальности, с удовольствием ссылаясь на его боязнь инфекций. Маяковский действительно был очень мнительным, истерически боялся инфекции, часто измерял температуру, опасался булавок и иголок.

Но как раз эту боязнь можно объяснить детской психологической травмой: когда Маяковскому было двенадцать лет, его отец укололся булавкой и умер от заражения крови. Это была страшная нелепая случайность, с которой трудно примириться мальчику, – как простая булавка может привести к такому?!!

Маяковский носил с собой мыло и постоянно мыл руки. Это называется «невроз чистых рук». Он не прикасался к дверной ручке, только через носовой платок или пиджачный карман – представляю, как он засовывал руку в карман и открывал дверь через пиджак, и как это дико выглядело. Он старался никому не пожимать руки. Наверное, если бы было можно, он бы пожимал знакомым руки через пиджачный карман.

Он всегда держал пивную кружку в левой руке, чтобы не прикоснуться губами к тому месту, к которому раньше могли прикасаться чужие губы. Носил с собой резиновый стакан, а когда стал большим и знаменитым, путешествовал с надувной ванной.

Маяковский был не очень хорошо образованный человек. Мы ошибочно полагаем, что все, кто родился до революции, были образованными хотя бы потому, что до революции все, кроме рабочих и крестьян, были образованными. Мы считаем, раз Маяковский – поэт и памятник, значит, получил прекрасное образование. Но нет, Маяковский мог получить хорошее образование, но не получил, потому что он был трудный подросток.

В четвертом классе гимназии Маяковский вступил в РСДРП. Распространял марксистскую литературу. Раньше, в советское время, этот факт его биографии автоматически означал, что он с детства боролся за счастье рабочих и крестьян, что это у него такое славное революционное прошлое. Но на самом деле это было не революционное прошлое, никаких убеждений за этим не было, это было чистое хулиганство, а он был «трудный подросток, которого засосала улица» – вместо того чтобы делать уроки, он в пятнадцать лет предпочитал бегать по улицам и раздавать булочникам и сапожникам брошюры неясного содержания. Конечно, это гораздо интереснее, чем просто посещать гимназию и благонаравно себя вести.

В общем, подросток Маяковский похож на Буратино: необычайно личностно интересный, но плохо образованный. И революция была ему интересна так же, как Буратино было интереснее по дороге в школу продать азбуку и купить билетик в цирк.

Гимназию Маяковский не окончил. Представляю, как он изредка появлялся в классе – такой томный, все презирающий, и как его ненавидели учителя, как девочки умирали от его необыкновенности, и как его недолюбливали мальчишки-отличники.

Его три раза арестовывали, в последний раз он провел пять месяцев в одиночке. До одиночного заключения Маяковский вообще ничего не читал, кроме политической литературы, в которой ничего не было ни про любовь, ни про жизнь, а лишь про свержение самодержавия... Маяковский начал читать только в камере-одиночке и прочитал наконец-то постепенно и без особого увлечения хотя бы небогатый гимназический набор – Байрона, Толстого, Шекспира. Между арестами Маяковский учился в Строгановском училище – он подавал надежды как художник, но и оттуда его исключили «за политическую деятельность» или, в рамках современных представлений, за мальчишеское хулиганство, за то, что бегал по улицам вместо учебы. Вот каким он был в ранней юности – не интеллектуальная элита, а шалый, полуобразованный, трудный подросток, ничего не читал, ничего не знал, даже не умел грамотно писать по-русски, не знал, как пишется слово «легкие», думал, может быть, «лехкие»?..

В восемнадцать лет Маяковский выглядел «как настоящий художник»: на лице разочарование в жизни, длинные спутанные волосы, томный взгляд, и одет он был соответственно – в черную блузу и черную шляпу. Его друг, художник Давид Бурлюк, сказал, что он был «какой-то нечесаный, невымытый, с эффектным красивым лицом апаша, верзила». Маяковский, красивый, высокий, почти метр девяносто, громко нетерпеливо говорил, непрерывно острил, порывисто двигался, не выпускал изо рта папиросу... Он курил до ста папирос в день, но не затягивался, то есть не курил, а держал в зубах окурки, почти всегда. Наверное, мама говорила ему: «Володенька, не кури так много!», а он ей отвечал: «Ну мама, я же не затягиваюсь...» У Маяковского были очень плохие зубы, почти беззубая улыбка, «при разговоре и улыбке виднелись лишь коричневые изъеденные остатки кривеньких гвоздеобразных корешков» – как страшно было! Но Маяковский был очень беден, так беден, что какой уж тут зубной врач, – он часто голодал, спал на садовых скамейках, и Бурлюк выдавал ему пятьдесят копеек в день на еду.

Что люди могли о нем думать? Что он ужасен или что он прекрасен? Он был неприятен как уличный подросток или вызывал восхищение? Одни считали восемнадцатилетнего Маяковского кривлякой, человеком дурного тона, а другие «необыкновенным». Жена Бурлюка видела в нем «громаднейшую, выпирающую из берегов личность»...

Кстати, что такое «громаднейшая личность»? У него сложный внутренний мир, оригинальные суждения, напряженная духовная жизнь, яркие неожиданные реакции на происходя-

щее, он сочиняет необычные стихи? Она имела в виду это? Или что он потрясающе красивый и в черной шляпе?

А вот как пишет о нем, двадцатилетнем, Соня Шамардина, студентка, у которой был с ним роман: «Высокий, сильный, уверенный, красивый. Еще по-юношески немного угловатые плечи, а в плечах косая сажень... Большой, мужественный рот с почти постоянной папиросой, передвижаемой то в один, то в другой уголок рта. Редко – короткий смех его.

Мне не мешали в его облике гнилые зубы. Наоборот – казалось, что это особенно подчеркивает его внутренний образ, его “свою” красоту... Красивый был. Иногда спрашивал: “Красивый я, правда?”».

Отчего человек спрашивает: «Красивый я, правда?», отчего человек все время острит, отчего человек всегда такой громкий? Он боится, что, если он замолчит, с ним станет скучно, что тихий он никому не интересен?

В нем все – противоречие: красота и гнилые зубы, громкая самоуверенность и болезненная застенчивость. Но даже если он просто прикрывал застенчивость наглостью, как одеялом, все равно он был дурно воспитан. Его приятель тех лет Бенедикт Лившиц пишет, как Маяковский вел себя в гостях, на ужине у известной галерейщицы Надежды Добычиной – как невоспитанный ребенок! «За столом он осыпал колкостями хозяйку, издевался над ее мужем, молчаливым человеком, безропотно сносившим его оскорбления, красными от холода руками вызывающе отламывал себе кекс, а когда Добычина, выведенная из терпения, отпустила какое-то замечание по поводу его грязных ногтей, он ответил ей чудовищной дерзостью, за которую, я думал, нас всех попросят немедленно удалиться». Ну ведь большой уже мальчик, а так плохо себя ведет!..

И еще одно, очень важное. Маяковский был игрок. Играл в карты, играл на бильярде, обязательно на деньги, потому что иначе настоящий игрок не играет, а кроме того, Маяковский попросту зарабатывал игрой на жизнь. Но даже когда он был уже знаменитым и не нуждался в игре для заработка, он все равно играл, и, куда бы ни приехал, сразу находил бильярдную и знакомился с местными картежниками.

Маяковский играл не только в карты или на бильярде, он играл постоянно, играл как дышал. Заключал пари на всякую ерунду: сколько шагов до следующего дома, какой придет трамвай, кто быстрее дойдет до угла и так далее. Как будто вся жизнь состоит из ожидания побед: кто быстрее, кто ловчее, кого больше любит судьба.

Игрок – это всегда человек определенного психологического склада: ему нужны более сильные эмоциональные стимулы, необходим выброс адреналина. Адреналин нужен игроку как наркотик, и он сам ищет ситуаций, в которых произойдет выброс адреналина, – это ситуации, опасные в физическом или эмоциональном смысле.

У игрока есть еще одна особенность – азартное мышление. Игрок может выстраивать стратегию и тактику игры, рассчитывать ходы, но если говорить об общем подходе к жизни, то общий подход игрока всегда азарт – попробуем, вдруг повезет! Игрок всегда подсознательно требует от судьбы одних удач, требует от высших сил специального присмотра. Игрок уверен, что кто-то сидит наверху и присматривает за ним, – чтобы он выиграл, чтобы шагов до следующего дома оказалось сколько нужно, чтобы трамвай пришел именно этот, чтобы карта выпала правильная, чтобы шар закатился в лузу. И чтобы все так было, и в отношениях с людьми тоже! «А иначе я не играю», – предупреждает судьбу игрок. Слово «судьба» вообще занимает в его жизни особое место.

А если все же не повезло – значит, судьба, я не виноват. Игрок может очень сильно на судьбу рассердиться. Пригрозить ей – раз так, я немедленно что-нибудь с собой сделаю!..

Кажется, у Маяковского это чувство было особенно сильным – что судьба ведет его, что он с судьбой договорился, что все у него будет прекрасно. Поэтому особенно сильная возникает обида, если вдруг что-то не так, как будто судьба была ему обязана и вдруг – обманула, обсчи-

тала! И тогда – возмущение, бешенство, затем отчаяние. Невозможно, обидно проигрывать, проигрывать – это глупости! Судьба должна быть за него! В любви, в отношениях с женщинами все так же – не от него все зависит, а от них, они должны любить его так, как ему нужно.

«С Маяковским было страшно играть в карты... Дело в том, что он не представлял себе возможности проигрыша как естественного, равного возможности выигрыша, результата игры. Нет, проигрыш он воспринимал как личную обиду, как нечто непоправимое... Проигрыш для него был обидой, несчастьем, несправедливостью слепой судьбы»... Вот, все подтверждается... Это писал Николай Асеев, друг Маяковского.

У Маяковского была настоящая игровая зависимость – между прочим, игровая зависимость не излечивается. Но он никогда и не пробовал бросить играть.

Да, еще про игроков – игроки не то чтобы влюбляются чаще, чем другие, но они влюбляются более страстно. И склонны страдать, чтобы и им, и всем вокруг жизнь казалась ярче, могут даже угрожать самоубийством. Игроки чаще всего не могут общаться на равных, они могут либо подчиняться, либо подчинять, а на равных им никак невозможно. Они шумят, насканивают, а на самом деле не уверены в себе.

Вот и Маяковский – в стихах он так настаивает на своей силе и огромности, как ребенок, который хочет казаться большим, чтобы его не обидели, не тронули.

А что у Маяковского было до Лили, какой его любовный опыт? Это очень важно, ведь, придя к Лиле, он принес с собой модель отношений с другими женщинами.

Мы всегда должны расплачиваться за его комплексы, вызванные другими женщинами... Даже если нам удалось схватить приглянувшегося мужчину чуть ли не в колыбели, все равно у него есть любовный опыт – это опыт его отношений с мамой, и с подружками в детском саду, и первая любовь. К примеру, у него были неудачные, очень тяжелые отношения в детском саду, и, пожалуйста, модель уже выстроена... Обидно, что мы расплачиваемся за других. Ничего не поделаешь. Но кто-то всегда расплачивается за нас.

Так что же было у Маяковского до Лили?

Бурлюк писал, что Маяковский «был малоразборчив касательно предметов для удовлетворения своих страстей», получая «любовь мещанок, на дачах изменявших своим мужьям – в гамаках, на скамейках качелей, или же ранней, невзнузданной страстью курсисток».

Ну и что? Случайные торопливые связи в этом возрасте – это не что-нибудь необычное, а скорее совершенно обычное. Мальчики всегда довольствуются непритязательным быстрым сексом, пока не встретят свою любовь.

Странно другое. Маяковский вел себя с женщинами как подросток.

Он мог назвать хорошенькую девушку «вкусный кусок мяса» и вообще на публике относился к женщинам крайне цинично – «ухаживал он за всеми, но всегда с небрежностью, как бы считая их существами низшего порядка. Он разговаривал с ними о пустяках, приглашал их кататься и тут же забывал о них». Были женщины, которых он обижал, были те, «которых он пугал своим напором». Если мужчина пугает своим напором, значит, он не уверен в себе, – это все женщины знают. Все это, конечно, двадцатилетнему мужчине немного не по возрасту – такое мальчишеское поведение. Но, может быть, у него было запоздалое развитие или комплексы.

И еще – Маяковский всегда громко хвастался своими победами. Если человек хвастается победами, значит, на самом деле нет у него никаких особенных побед, так, всякая ерунда... Маяковский, несмотря на свое хвастовство, был не очень опытен, в своей первой поэме написал, обращаясь к женщине, «отдайся», а Корней Чуковский его поправил, сказал – женщине не говорят «отдайся», говорят «дай». Наверное, Чуковский про себя улыбнулся, подумал – вот младенец, не знает даже, как с женщиной разговаривать.

Но до встречи с Лилей у Маяковского был не только секс в гамаках, у него были романы. Не то чтобы неудачные, а какие-то «страдательные». Девушка Мария Денисова неожиданно вышла замуж, девушку Веру Шехтель родители отослали за границу, потому что не хотели Маяковского. В общем, все время случался какой-то облом, как в дурных романах: любила, но вышла замуж, любила, но уехала... Его любили, но как-то не окончательно, и ни один его юношеский роман нельзя назвать счастливой любовью.

Из-за него или из-за девушек? Это были неправильные девушки, но все-таки это из-за него – он их сам выбирал, таких одинаково неправильных.

Красивый, гордый, заносчивый, остроумный, несдержанный, насмешливый, презрительный, самоуверенный, грубый. Никто же не знает, что на самом деле этот наглец – «ранимый и утонченнейший». Что он боится, вдруг его не так поймут, не так оценят, не так полюбят, и от страха быть неоцененным ведет себя цинично и нагло. Что он человек с двумя голосами, так сказал о нем Горький. Что он «не знает себя и чего-то боится...», что он «человек своеобразно чувствующий, очень талантливый и – несчастный»... Что он мечтает о красивой беззаветной любви, нежной, как незабудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.